

A woman with dark, styled hair and green eyes, wearing a black lace dress with a high collar and long sleeves, holds an open black jewelry box with a red velvet interior. The box contains a necklace and earrings. The background is a historical city street with classical buildings and a horse-drawn carriage. The scene is framed by a decorative gold border with sunburst motifs.

Марьяна Брай

ЛИХОДЕЕВА
Игры с нечистью

НЕВСКИЕ СТРАЖНИЦЫ

Марьяна Брай

Лиходеева. Игры с нечистью

Серия «Невские стражницы»

<https://litres.ru/73296458>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что тебя ждет в прошлом, если ты в своем времени обыкновенная женщина, трудящаяся патологоанатомом? Не исключено, что жизнь подкинет таких приключений, о которых ты даже не мечтала. Бесы? Возможно! Охотиться на них? Ну, вероятно! А если вести с ними дружбу? Очень даже в моем стиле!

Так вот почему раньше мне не нравились некоторые люди - я чувствовала, что в них есть что-то бесовское. Оказалось - не показалось.

Теперь я, как и еще четверо девушек из моего времени живем в Петербурге конца девятнадцатого века, и, если так можно сказать, спасаем город и империю от тварей, проникающих в наш мир. Но есть нюанс...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	36
Глава 6	42
Глава 7	50
Глава 8	58
Глава 9	66
Глава 10	75
Глава 11	83
Глава 12	91
Глава 13	99
Глава 14	105
Глава 15	112
Глава 16	120
Глава 17	128
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Марьяна Брай Лиходеева. Игры с нечистью

Глава 1

Смотрела я на Глеба Ивановича Панфилова – моего непосредственного начальника, как всегда, с «нежностью»: то закрывала глаза, сидя на кожаном диванчике в его кабинете, то закидывала ногу на ногу, чего женщине здесь делать не просто нежелательно, а даже нельзя. Но женщина я была не обычная, не среднестатистическая, а потому позволяла себе многое.

— У них там такая свистопляска, Анна Львовна... Закрыть надобно сей притон, но сначала неплохо бы проверить эту самую...

— Блаватскую, — подсказала я фамилию дамы, о которой речь шла вот уже минут пятнадцать.

— Вот-вот, именно! Пооткрывали свои богомерзкие салоны, людей туда, значит, приглашают приличных, деньги-щи такие из них выманивают, обещая недостижимые свои услуги...

Глеб Иваныч очень любил странные словосочетания, и на

этот раз мой «словарик» пополнился его «недостижимыми услугами».

— Ой, да чего там проверять? – Лука, сидящий рядом со мной на диване в еще более расслабленной позе, ковырял ногтем в зубах. — Заигралась баба и все. Ничего там сверхъестественного не происходит. Приходит к ней скорбящая вдова, просит с мужем «соединить», ну, вроде как по телеграфу. А Блаватская ей: «Извольте, связь обеспечу, но вы двадцать рубликов оплатите, а то кошек стало нечем кормить». А потом, как получает в руки ассигнации, наболтает, мол, и там, в горних куцах, супруг ее, вместо того чтобы в котле кипеть, сидит на облаке, ногами качает, да супругу свою вспоминает добрым словом, ждёт – не дождётся в общем, чтобы дальше вдвоем сибаритствовать.

— Анна Львовна, вы чего замерли? Не слушаете меня совсем! – голос Глеба Ивановича стал строже.

— Никак нет, Глеб Иванович. Задумалась просто.

Тут надо прояснить ситуацию, и объяснить, что Лука – не сотрудник, не друг и не товарищ, и даже не мой любовник. Лука – мой личный подчиненный. Бесправный, хоть и наглый с виду. И еще – вид его доступен только мне, поскольку обычный человек подобных Луке не видит.

Лука – бес.

Вероятнее всего, вы подумаете, что бес — это такая тощая фигурка на копытцах, покрытая шерстью, с пятакон свиным во всю морду и обязательно хвостом. И здесь вы тоже будете

не правы.

Некоторые бесы выглядят как люди, потому что большинство бесов – и есть люди. Ну, не живые, конечно, из костей и мышц, а уже умершие, не прошедшие душевной ревизии на том свете по причине отягощения этой самой души грехами.

Нет, не все люди становятся бесами. А почему, и кто из грешников обретает такую вот необычную форму и возвращается на землю, я планирую рассказать позже.

Сейчас же я сижу в кабинете ротмистра Панфилова, как его подчиненная, и выслушиваю очередное задание. Проверить нужно тот самый спиритический салон Блаватской. На мой взгляд, отправить туда стоило бы совсем другую стражницу – ту, которая слышит или видит духов. Только вот, две тысячи двадцать пятый после Рождества Христова, из которого я прибыла, и одна тысяча восемьсот восемьдесят четвертый, в котором оказалась, похожи начальниками как братья близнецы. Лучше не спорить!

Луку мой руководитель не видит, и мне иногда от этого очень грустно: хотелось бы поделиться с обществом этим представителем бесовского братства. Ну, во-первых, Лука – интересный, хоть и назойливый собеседник. Я ему никогда этого не озвучу, но, если бы не он, умерла бы здесь от тоски смертной на второй неделе. Лука – мастер томно смотреть на меня, шутить грязно, обижаться и пить водку. В последнем мы с ним сошлись грандиозно.

Нет, я не алкоголичка, хотя... чего уж тут? Серый Петер-

бург, беспрестанный дождь, сырость, плесень, вонь – все, что меня окружает. Я и в прошлой своей жизни не отличалась позитивным настроем, а тут – и подавно.

А вот с алкоголем тесно я сдружилась именно здесь, в девятнадцатом веке. Станным образом он не действует на меня так, как действовал в родном две тысячи двадцать пятом году: первая пара рюмок расслабляет и рассредотачивает слишком уж собранные мысли, а последующие помогают поддаться некоему сплину – смеси грусти и смирения. В общем, нет, на столе я пьяная не танцую. Наблюдаю за людьми и веду пространные беседы с Лукой.

Новое дело нужно было принять, откланяться и приступить к выполнению оногo. Но на улице лило, как из ведра, а моя прическа, к слову, выполненная искусным парикмахером для поднятия личного настроения, не была прикрыта шляпкой.

Если с корсетом я смирилась, и даже благодаря этому предмету гардероба рассмотрела в своей фигуре чрезмерно женственные черты, то шляпы моя голова отторгала: либо выглядела я в них как гриб с глазами, либо они попросту не держались на моей голове.

— Сутки вам, Анна Львовна. Ровно сутки на осмотр помещения, беседу с этой самой Блаватской и отчет мне, — ротмистр никогда не озвучивал очередность задач, но, вот таким образом, завуалированно, давал указания.

— Задача понятна, Глеб Иванович. Разрешите...

— Разрешаю выполнять, — отрезал он и встал с рабочего места, поправляя мундир.

— Хочешь, я ему внушу чувство вины... или желание еще обсудить пару вопросов? — Лука скалился, прекрасно чувствуя мое настроение — выходить в дождь страшно не хотелось.

— Всего доброго, — я хотела сделать вид, что у меня к нему дело, но потом поняла, что желание воспользоваться способностями Луки вот-вот победит, и решила выйти из кабинета, щедро облицованного красным деревом и уставленного удивительно удобной мебелью.

Хотелось кофе, вытянуть ноги на диване, смотреть в окно, зацепившись взглядом за шпиль здания напротив, а не ехать по сырому городу в салон, где меня ждала максимум шарлатанка.

— Не смей мне больше мешать, обезьяна адова! А если начнешь применять свои эти штучки, наш с тобой уговор считай разорванным! — Шикнула я, как только мы покинули кабинет, и спускаясь по широкой лестнице, следила за своим «помощником», явно чему-то радующемуся.

— Ну, обезьяна из меня, допустим, никакая, поскольку...

— А я не спрашивала тебя ни о чем, так что, рот закрой, думать мешаешь, — настроение, и без того мерзостное, все больше портилось.

Да, чувство вины за такое отношение к Луке иногда возникало, но давило я его в зародыше, иначе, оглянуться не

успеешь, а он уже на шее моей сидит. Хитрые твари – эти бесы!

Глава 2

В 1884 году в Петербурге самым модным развлечением скучающей знати были спиритические сеансы. Клевали на этот вид развлечения и средние слои. Но, если мужчины приходили в подобные места группами, то дамы предпочитали частные встречи. Уж очень хотели уточнить у умерших некоторые детали.

В доходном доме на Мойке и был устроен салон мадам Блаватской. О Лидии шептались, обсуждали ее умение говорить голосом из загробного мира, говорили, что она дальняя родственница «той самой Елены», но дар её куда темнее, осязаемей.

Лидия была женщиной монументальной. Грузная, с рыхлым лицом, покрытым толстым слоем белил, она передвигалась тяжело, опираясь на трость с набалдашником в виде черепа. Её необъятное тело всегда было затянато в черный шелк, который трещал по швам, а запах тяжелых духов «Пачули» не мог перебить кисловатый дух пота и тлена, витавший в её комнатах.

Все эти вводные я узнала не от своего начальника, а от прислуги из доходного дома, где промышляла «Пифия». Потребовалось только облачиться в простенькую одежду, подкатить к молоденькой девушке, выходящей из нужного дома с черного входа с корзиной для белья.

— А тебе зачем про нее узнавать? Послал кто? — сощурилась, внимательно рассматривая меня светловолосая, симпатичная, но прыщавая особа, когда я в лоб спросила о Лидии.

— Дык, это... Робить к ней вроде как пришла, да боюсь немало. Разговоры ходят такие, что... — старательно имитировала я говор простушки, приехавшей в Петербург недавно.

— И правильно боишься, — девушка расслабилась, и даже глаза выпучила, чтобы выглядеть куда более убедительно. — Нечистое там дело, ох нечистое. Раньше-то Лидия Ивановна была женой стряпчего, а как муж заболел, то и началось: вонь из квартиры стояла такая, что жильцы жаловались купцу. Хозяину, значит, дома этого... оказалось потом, что муж ейный заживо гниёт. Худеет, сам на себя похожим быть перестал. А Лидия наоборот — раздобрела, да только как-то нехорошо, оплыла, как свеча, словно бы раздулась от водянки.

— Ну, болтает она, конечно, складно, да только от болезни могла Блаватская так вот пухнуть, или от... щей — такое тоже случается, коли пучит опосля. Тут ведь знаешь, как бывает, один раз... — Лука промолчать не мог, да и знал, что заткнуть я его при беседе с людьми не могла — не поймут, коли начну говорить в сторону пустого места.

Но я глянула на беса достаточно выразительно, чтобы тот заткнулся.

— Значит... думаешь, бесовское что-то там? Страшно, сил нет, а как без работы? — Голосом, срывающимся на

плач, прогундосила я.

Девка выболтала все, что знала, а я, сделав вид, что пере-
пугана до чертей, убежала не оглядываясь.

Дома переделалась, с особой тщательностью нанесла маки-
яж, выбрала шляпку с черной сеточкой, которую часто виде-
ла на похоронах. Да, да, похороны, особенно похороны важ-
ных особ я старалась не пропускать. Ну, во-первых, нрави-
лись мне подобные мероприятия, а во-вторых, мой род де-
ятельности подразумевал анализ странных происшествий в
городе. По смертям многое можно узнать о запредельной
жизни Петербурга.

«Запредельная жизнь»? А это обратная сторона бытия!
Предел – это мир, в котором обитает все потустороннее, вы-
павшее, или изгнанное из ада. Да, и из ада могут изгнать, как
бы это странно не звучало.

Вся эта нечисть из Предела постоянно стремится выбратъ-
ся в наш мир. И открываются для нее двери в том случае,
если человек слабеет: грехи, особенно грехи высшего поряд-
ка, разверзают в человеке некую кормушку – притягательная
для бесов питательная среда из бывшей некогда бессмерт-
ной, души.

Пришла я к мадам Блаватской под видом обычной кли-
ентки — молодой вдовы, ищущей утешения. Бес мой в этот
день, надо сказать, был в скверном настроении: слова я ему
не давала сказать с момента встречи с ротмистром Панфи-
ловым.

— Здесь воняет дешевым театром, — проворчал Лука, дергая себя за ухо. — И жареной капустой. — Ему не нравилась теснота и обилие в прихожей квартиры икон, занавешенных черными тряпками.

Нас не встретили, но трескучий голос из большой комнаты с распахнутыми двустворчатыми дверьми и явно занавешенными окнами пригласил пройти.

Вонь, та самая вонь, не похожая ни на что другое, встретила меня, как только я перешагнула порог комнаты. Темные обои едва просматривались сквозь плотно развешенные на стене картины и фотографии, большой обеденный стол в центре комнаты был заставлен свечами и подносами с тлеющими на них травами.

И как бы запахи горящих трав не старались скрыть вонь, я ее чувствовала. Ту самую вонь...

Бес здесь был! Ротмистр не ошибся. Я пришла по адресу. Описанная утром прислужгой женщина предстала передо мной во всей своей отвратительности. В тот момент в моем сознании, кроме оплывшего телосложения отложилось одно — ее мутные, будто рыбы, глаза. Когда я, спустя время вспоминала этот момент, видела только их.

Мадам Лидия, тяжело дыша, смотрела на меня. Я пыталась не смотреть на ее огромный горб на спине.

Она мотнула головой на стул, стоящий на другом конце стола. А когда я присела, вдруг завалилась назад и закатила свои белёсые глаза. Массивный подбородок затрясся, и она

начала издавать гортанные звуки.

Домом это место назвать было трудно. Грязь, вонь, и ощущение, что вокруг тебя болотная жижа, и она все больше затягивает, заливаается тяжелым запахом внутрь. И как женщины, даже ведомые своим горем, могли приходить сюда?

Борясь с отвращением, я внимательно посмотрела на медиума, булькающую горлом. Вонь шла прямо от нее.

А потом я заметила, что Лука обходит женщину со спины, рассматривая горб. Он стоял со сложенными на груди руками и заворуженно смотрел на ее спину, словно там висела картина, детали которой хочется внимательно изучить.

— Ты видишь? — шепнула я, не разжимая губ.

— Вижу, — Лука перестал кривляться и запрыгнул на спинку стула. Этот товарищ мог балансировать хоть на острие шпаги, но если в первые дни нашего знакомства это меня забавляло, то сейчас уже только раздражало. — Жирный какой. Не меньше года он до размеров бобра отъедался! Обычный бес-паразит!

Я встала и обошла Лидию. Она замерла, и горб ее, будто почувствовав меня, вдруг задвигался.

На широкой, словно шкаф, спине Лидии Блаватской, в густой тени, которую отбрасывала её фигура, под шалью шевелилось нечто.

Шаль слетела с ее плеч и мне открылось то, что Блаватская явно пыталась скрыть от человеческих глаз. Существо напоминало гигантскую шишку, затянутую в хитино-

вый панцирь.

Оно вцепилось в спину Лидии в районе позвоночника чуть ниже лопаток. Платье в месте, где оно держалось было разорвано и сыро. В такт его движению двигались голова и руки женщины.

Эта тварь, словно кукловод, управляла медиумом! Когда Лидия «впадала в транс», тварь меняла ее голос.

Самое страшное было в том, что Лидия, возможно, считала себя настоящим медиумом. Она не знала, что её «дар» — это тяжелое, склизкое существо, которое годами сидит у неё на закорках, питаясь её жизненной силой и эмоциями её клиентов.

— Это «Шепот», — определил Лука со знанием дела. — Редкая, хоть и не особо опасная для нас с вами дрянь. Ему нужно большое тело, чтобы прятаться за ним, как за щитом. Он жрет её здоровье, а взамен дает ей эти дешевые фокусы. Он туп, как твои помощники, Анна...

— Мне напомнить, что разговоры у нас с тобой только по делу? — грубо напомнила я в момент, когда хозяйка начала не своим голосом вещать, что мой покойный муж просит пролить слезы по нему.

— Всплакните, Анна Львовна. Не пожалеете. Ну, хоть для наглядности, а? Увидите тогда, как этот уродец жрёт, — словно не слыша моего приказа, продолжил Лука.

— Я этого твоего Шептуна на похороны твои приглашу. Вот там и взгляну, как он от голода сдохнет, — ответила я,

уже понимая, что сегодня мне, и правда, придется поработать.

— Не Шептуна, Анна Львовна, у нас, у бесов, такие имена, знаете ли, не в почете... Шепот!

Я сделала вид, что не услышала его комментария.

— Пойди, Лука, — приказала я, рассматривая отвратительное существо, — прикрой дверь, и сделай так, чтобы ни одна душа сюда не вошла, и уж тем более – не вышла! Придется посадить эту «даму» на диету.

Лука хохотнул, показал бесу неприличный жест, и в тот же момент я услышала, как захлопнулись двери за моей спиной. Что-то хрустнуло, и я свела брови.

— Канделябриком еще ручки укрепил. Теперь точно ни туда, как говорится, и не сюда, — голос Луки, с которым я наконец заговорила, стал в разы веселее. Дело предстояло грязное, но интересное.

Лидия замолчала. Горб на ее спине приподнял верхнюю свою часть, и я увидела его «голову». Нет, это не было головой, скорее, это было «началом» этой отвратительной личинки. Ни глаз, ни носа, только небольшое отверстие, которым он водил сейчас по спине Лидии.

— Что он делает? — не двигаясь, спросила я.

— Он так управляет ею, Анна Львовна. Там... под платьем... видите, он прицепился к ее телу, уже прирос, считай... А сейчас он понял, что ему грозит опасность.

— Мне кажется, это не моя работа. Нужно бы вызвать Ту-

манову. По таким вот пиявкам у нас мастер именно она, — прошептала я, признавая, что, если я хоть что-то в них и понимаю, полной уверенности в положительном исходе дела не имею.

— Анна Львовна, да тут делов-то на пять минут! Считай, только иголочкой ткнете и все, благодарность от ротмистра у вас в кармашке! — Лука был убедителен, а я не хотела дергать сотрудницу по относительно простому делу. Раз уж я здесь...

— Я... я ни в чем не виновата, — вдруг, совершенно человеческий, высокий голос, срывающийся на визг, заполнил комнату.

— Не вы, Лидия. А тот, кто сидит у вас на спине, — спокойно ответила я, доставая из ридикюля длинную шляпную булавку с навершием из черного серебра.

Бес - паразит, скукожившийся на спине своего носителя, зашипел, как шипит вода, попадая на раскаленную сковороду. Люди звуков этих не слышат, в отличие от меня. Но если на улице под окном сейчас пара прохожих остановилась, чтобы переждать проезжающий экипаж, внезапный приступ тошноты им обеспечен.

— Лука, фас! — скомандовала я. Юркий бес, только этого и ждавший, молнией метнулся через стол. Он прыгнул прямо на спину Лидии, но не коснулся её, а вцепился зубами в студенистую плоть паразита.

Уродец зашипел громче. Мадам Блаватская начала разма-

хивать руками, как ветряная мельница, сбивая подсвечники и опрокидывая стулья.

— Убивают! — завопила она, пытаясь достать кого-то невидимого для нее на спине. Не теряя ни секунды, я шагнула к беснующейся медиуму. Нужно было попасть точно в «узел» — место, где паразит срастался с позвоночником жертвы.

— Держи его, Лука! — крикнула я.

Лука, рыча и плюясь черной слюной, натянул паразита на себя, открывая тонкую, пульсирующую фиолетовым светом шейку «Шепота».

В этот момент я и вонзила серебряную иглу в эту точку. Раздался звук лопнувшей струны. Лидию Блаватскую выгнуло, словно от удара тока.

Дрожащее тело паразита, потеряв связь с жертвой, начало сдуваться и чернеть, превращаясь в хлопья сажи. Лука безразлично отпрыгнул в сторону, отряхиваясь.

— Тьфу, гадость! — проворчал он, вытирая рот и даже язык ладонью. — На вкус как прогорклое масло и вранье.

— Вранье имеет вкус? — говорить мне сейчас хотелось меньше всего, но знать ответ я была должна.

— О! Еще какой! Всё имеет вкус, дорогая моя Анна Львовна, — Лука уже сидел в кресле, с видом философа, рассуждающего об истинах высшего порядка.

Лидия в этот момент обмякла в своем кресле. Она тяжело дышала, но вдруг её глаза прояснились, взгляд стал осо-

знанным, хоть и испуганным. Поведя плечами, она закрыла глаза и выдохнула.

Посидев так несколько секунд, посмотрела на меня с ужасом и... облегчением.

— Что... что это было? — прошептала она. — Мне вдруг стало так легко... Но так пусто.

Я спрятала булавку обратно в сумочку.

— Я просто убрала вашу «музу», мадам, — холодно улыбнулась я. — Боюсь, духи больше не будут с вами разговаривать. Зато спина перестанет болеть.

— Пошли отсюда, Ань, — зевнул Лука, распахивая двери. — Тут скучно. И жрать совсем нечего.

Глава 3

Лука любит пожрать, поговорить, и давать советы. А еще, он любит свободу. Но в нашем с ним случае, его свобода – понятие крайне размытое. Этот бес, и правда, больше нужен мне, чем я нужна ему. Но я ни за что в этом не признаюсь. Манипуляции – наше с ним любимое занятие, и мне приходится постоянно учитывать, что я этому делу училась у отца, а он, вероятно, в самом Аду.

Поэтому, когда, попав в специальную службу, я, наученная в монастыре кое-каким методам борьбы с этими самыми бесами, впервые вышла на охоту, меня ждали ошибки и разочарование. Ровно до того момента, когда я решила посетить место, о котором мне рассказывала моя бабушка Тамара Леонидовна.

Она в нашей семье, да и среди прочих, слыла несколько «не от мира сего», потому что корчила из себя дворянку. Нет, я поверила бы, что ее мама могла застать то время, и даже оказаться рафинированной особой с долей голубой крови в организме, но бабуля моя – дочь инженера и учительницы французского, родилась в Советском союзе!

В общем, жила бабушка с нами, и, если быть откровенным, скрашивала мою жизнь. Ее рассказы о дворянстве уносили меня в сказочные дворцы, где я вальсировала с широкоплечими военными на балах, носила шелковые платья с

кружевом, ездила верхом на лошади, играла на фортепиано так, что все окружающие проникались и плакали.

Рассказывала она о старом поместье под Петербургом, где родилась ее матушка, а потом и она. В детстве я верила этому безоговорочно, но, когда побольше узнала историю и смогла вычесть ее возраст из текущего года, поняла, что она все это допридумала.

Возможно, в детстве, ее мать – дворянка, не понятно, как оставшаяся после революции в России, рассказывала ей эти истории, и маленькая Тамара привыкла считать эти истории своими? Считать эти истории полной выдумкой я не могла, поскольку в семье хранились фото Татьяны Иосифовны и Бориса Ильича – родителей моей бабушки.

Потрескавшиеся фото, которые тщательно прятались, и которые я впервые увидела лет, наверное, в восемнадцать. Это значило, что бабушка, конечно, со странностями, но не совсем «ку-ку».

Поместье я нашла не скоро. Экипаж, нанятый мной, проехал, вероятно, пару часов, прежде чем я оказалась перед трехэтажным, помпезным, с колоннами и огромным зеленым полем, особняком. Я примерно посчитала, и вышло, что, если бабуля не привирала, ее матушка сейчас должна быть в Москве, куда сразу после замужества уехала, продав дом. Родители ее рано умерли, и воспитывалась она под опекуном престарелой тетушки.

— Чем могу быть полезна? — женщина с доброжелатель-

ным лицом в одежде прислуги подошла к воротам.

— Я подруга Татьяны... — фамилия какого-то черта вылетела из головы, и я уже хотела плюнуть, извиниться и отправиться восвояси, отдать большую часть оставшейся на жизнь суммы извозчику и забыть эту историю навсегда. К слову, нам ни в коем случае нельзя было обращаться к нашему прошлому, и, давая присягу, я обещала не искать своих предков, не менять прошлого, чтобы не вызвать необратимых изменений.

— О! Подруга нашей Танюши, — глаза девушки моментально приобрели форму домика, и умиление и любовь пролились на меня такими теплыми лучами радости, что в сердце защемило.

— Да, вы ведь жили здесь при ней? Я уезжала, и вернувшись, узнала, что Татьяна вышла замуж, — грусть мне изображать не пришлось. Мысли о том, что я не верила бабушке, моментально заставили глаза увлажниться.

— О, да... А вы...

— Я Анна... Анна Лиходеева, вы меня не помните? — уверенно спросила я, и женщина сощурилась, словно вспоминая.

— Ох, память у меня не особо хорошая... Да чего это я вас держу у ворот, проходите. Хозяйки новой дома нет, но чаем я вас напою, дорогая, и даже пирогом со сливами угощу, проходите! — она суетилась, а я в этот момент не понимала, зачем мне нужно попасть в этот дом. Что-то тянуло, но

в то же время пугало.

Если бы позже меня попросили описать дом внутри, я не смогла бы. Потому что, как только мы ступили на порог, ноги сами повели меня к лестнице. Смогла осознать, что стою в центре хозяйской спальни только тогда, когда та самая, приведшая меня в дом прислуга, со слезами на глазах не начала дергать меня за руку.

— Барыня, Анна... Как вас по батюшке-то? Ну чего это вы сюда-то сразу? Не надобно в хозяйскую-то спальню, мне же от Василисы Дмитриевны за это ой как достанется, — причитала женщина, а я смотрела на нее, чувствуя, что за спиной моей кто-то есть еще.

Резко обернувшись, я чуть не упала, когда увидела в кресле мужчину лет двадцати пяти – тридцати. Первое, что бросилось в глаза – его гримаса. Так мужчины смотрят, когда добиваются своего, и если бы можно было описать это выражение лица словами, то значило бы оно одно: «Я же говорил, что будет так»!

— Лучше молчи, душечка, а закричишь, эта дура тебя и вовсе выгонит. Чувствую, что кровь Лиходеевская, но точно не нынешняя. Ты кто? — бархатным баритоном с красивыми остановками проговорил мужчина.

Его глаза цвета янтаря, подсвеченного солнцем, не отрывались от моего лица. Он словно искал на нем какие-то знаки, или пытался узнать человека, которого где-то видел, но вспомнить не мог.

Чуть взерошенные волосы цвета мокрого льна, острые скулы, брови, поднимающиеся в удивлении – настолько гармоничное лицо легко могло попасть на обложку журнала. А в сочетании с голосом, и в телевизор. Но здесь еще и речи не было о телевидении.

— Ты кто? – спросила я, морщась от вони, которая исходила от красавчика.

Одет он был странновато, но в этом была своя прелесть: мундир, явно с чужого плеча, распахнут на груди, белая сорочка под ним расстегнута на груди явно затем, чтобы золотистые завитки волос на груди были оценены вместе с рельефными мышцами и острыми ключицами.

— Вы с кем это говорите? — испуганно спросила женщина, стоящая теперь за моей спиной.

— Ответь ей, дорогая. Скажи, что говоришь сама с собой. Она меня не видит, как, в прочем, и остальные. Позволь мне пойти с тобой, иначе, придется вековать здесь, в комнате, хоть и с доброй, но такой неприятной с виду старухой, — его красиво очерченные губы скривились.

В голове моей скакали мысли, время словно замедлилось, и слова прислуги сейчас я слышала так, словно проигрывалась зажеванная в магнитофоне пленка.

— Воды... принеси мне воды. Плохо стало, — я нащупала ладонью край кровати и присела. Спина и правда, моментально стала сырой и в момент замерзла, по рукам поползли противные мурашки.

Когда служанка выбежала, я уже понимала, что имею честь разговаривать не с красивым мужчиной, коим на первый взгляд мог показаться этот экземпляр, а с бесом.

Да, мои первые дела касались именно этих отродий, но выглядели они иначе. Я видела похожих на животных, похожих на желе, и даже тех, которые выглядели как колебания воздуха над разогретым асфальтом, но таких вот, совершенно неотличимых от человека... да еще и настолько красиво-го... никогда.

— На кой черт мне тебя выпускать отсюда? — кое-какой профессионализм в этих потусторонних делах во мне только-только зачинался, а вот понимание, что правильно поставить себя нужно с первых минут, привито было с детства папочкой.

— Да потому что я родовой бес. Лиходеевский. И тебе пригожусь еще... возможно, — бес мальчишеским жестом растрепал свои волосы еще сильнее, а потом резко встал прямо передо мной.

На пол головы выше, манерные движения, походка человека, уверенного в себе человека. Человека! Но он не человек!

— Так себе причина, котик, — я встала с кровати и направилась к выходу. В голове была только одна мысль: «как вот такое идеальное создание можно отправить за Предел?».

— Ладно, ладно, стой, ну, стой, — тон его изменился моментально, видимо, у меня получилось показать свою пол-

ную незаинтересованность.

— У меня нет времени беседовать с тобой, бес. Больше того, я должна съездить за одним прибором... вернусь и отправлю тебя туда, где тебе и место...

— Стой... Значит... ты примкнула к этим? К стражникам? — глаза его стали ярче, в них будто начало переливаться желтое свечение. — Я знаю то, чего ты не знаешь, как тебя там...

— Анна Львовна, — без особого интереса к его предложению ответила я и сделала еще один шаг к выходу.

— Я знаю где спрятан самый важный для вашего рода артефакт, Анна. Без него ты сможешь управляться только с мелочью, с теми, которых может обычный жандарм скрутить. Единственный твой плюс — ты их видишь, — тараторил напуганный бес.

— Ладно, можешь идти со мной, но не дальше двухсот метров от этого дома. Прогулка тебе не помешает, но я должна знать где ты, — эти мелочи я уже знала, и знала, что потеряй его, спусти со цепи, и потом у меня прибавится работы. А он не прост, он не один из тех, кого я встречала уже. Мой куратор, и даже монахи в монастыре, обучающие меня, не знают ничего о бесах, имеющих силу, которую имеет этот экземпляр. В общем, он нужен мне был не меньше, чем я ему.

— Хорошо, но ты же вернешься за мной? — голос его начал снова обретать уверенность, и я вышла в коридор. По лестнице уже топали ноги, и поднималась, судя по топоту,

не только служанка.

— Не факт, идем, поговорим на воздухе, а то в комнате твою вонь терпеть просто невыносимо.

— Я Лука, — добавил бес и сделал осторожный шаг через порог. Замер на пару секунд и тенью скользнул мимо меня.

Глава 4

О бесах я знала уже предостаточно, но в этом Луке было что-то... неизведанное, и одновременно что-то своё. Так бывает, когда ты встречаешь человека, и вы с первых слов понимаете друг друга, тянетесь друг к другу.

Даже когда вы интроверт до мозга костей, согласитесь, бывает, встречаются люди, моментально притягивающие как магнит. В моем случае, такими были моя бабушка и один единственный друг – Костя. Работал Костя барменом. По-знакомились мы, естественно, в баре, куда я приходила пару раз в неделю после работы.

Заговорили мы с ним, наверное, только через полгода после первого моего шота текилы в его баре, да и говорили потом очень мало, но молчали мы настолько тепло, настолько дружески, что понимали потом каждый вздох.

Лука явно интровертом не был, да и хамства в беседе было не занимать, но, когда прислуга, так щедро распахнувшая изначально ворота особняка, наконец, закрыла их за мной, я ощутила чувство потери. Бес мог просто больше не показаться мне.

— Потеряла меня, сладкая? — сначала пахло смрадом, и только потом я услышала самодовольный голос.

— Ага, и как раз переживала: как буду дальше жить без самовлюбленного хама! — стараясь не выказывать своего об-

легчения, ответила я.

— Я здесь, — колебания воздуха за кованой решеткой ограды приобрели сначала очертания, а после в них материализовался бес. Сейчас мы находились с ним по разные стороны ограды. Или же мое разрешение действительно имело для него ограничения, или он умело играл сейчас со мной, чтобы получить побольше информации. Хотя, судя по тому, что он заявил о моей службе в специальном отделе, даже сидя в спальне пожилой леди он интересовался происходящим, владел не просто информацией, а какой надо информацией!

Почему-то я думала, что он предстанет в другой одежде, причесанный, но Лука выглядел точно так же, как я увидела его в комнате. Даже расстроилась, честно говоря. Этот малый напоминал фокусника, и его типаж, если я не ошиблась, как раз склонен к фееричным выходам.

— О чем хотел поговорить? Времени у меня, не сказать, чтобы много... — я даже зевнуть смогла, чтобы показать, что он мне совершенно не интересен.

— Вот только давай без этого дешевого театра, Анна Львовна... Вы тем самым только даете мне в руки больше козырей! Не заставляйте в вас разочаровываться, дорогая. Я же увидел ваши глаза в первую секунду, когда вы меня заметили. Не встречали вы бесов, подобных мне, и знаете о таких очень мало. Или вовсе ничего не знаете. Хитрее надо быть, хитре-ее, — протянул он.

Извозчик, к радости моей, все еще ожидающий меня, на-

чал посматривать в нашу сторону. Я отошла от изгороди и со скучающим видом начала рассматривать фасад дома. Мало ли мне зачем это нужно... И говорить следовало тише.

— Значит, прозорливый?

— Умный, хитрый, внимательный и изобретательный! — добавил Лука.

— А от меня что нужно такому самодостаточному господину? Поговорить? Так мне за это не платят. Тебя же, понимаю, кроме меня никто не слышит, а для такого самовлюбленного балабола это смерти подобно, правильно? Давай короче, а то у меня все деньги на извозчика уйдут.

— Я тебе нужен, Анна Львовна...

— Да, да, как собаке пятая нога. Я вот думаю, надо помощницу привлечь, чтобы вернуть тебя за Предел. И всего делов. Там наговоришься от души, там ваших много, — я даже сделала вид, что приняла решение идти к экипажу.

— Я родовой бес, Анна Львовна, я Лиходеевский. Меня кроме вас ни один охотник на демонов не увидит, ни одна ведьма не услышит. Я ж бес выше среднего уровня, если простыми словами. Хоть не разобрался еще кто ты такая, но кровь чую. Думал, мне ждаться придется, когда у Татьяны кто-то родится, вырастет. Она сама-то лишена дара. Он ведь то через род, то через пару родов выскакивает, дар-то.

— И?

— В общем, от вас мне нужна свобода. Опротивело тут сидеть. Хозяйка новая такую гадость ест, что не приведи...

в общем, не приведи. А я бы сейчас бражки выпил, цыпленка на углях приготовленного откушал. Да и скука тут смертная, понимаешь? — глаза беса, до этого смотревшие на меня даже с некоторым уничижительным прищуром, наконец, округлились и выражали полное отчаяние.

— Значит, я должна беса выпустить на свободу, так? И жить себе дальше? Нет уж, дорогой, так дело не пойдет...

— Не выпустить, — Лука взялся за кованую ограду и прижался лицом к железным прутьям. Теперь он походил на арестанта, на самого настоящего арестанта, сидящего за решеткой. — Ты меня с собой забери. Ты же можешь мне дать как права, так и обязанности, Аннушка... Ну... — теперь я прекрасно видела, что бес пытается не проговориться, не дать мне весь объем знаний, чтобы не стать моим рабом. И отвернувшись от него, пошла к экипажу.

— Вспомнишь, напишешь в письме, — тихо сказала я, не оборачиваясь и махнула рукой.

— Стой, ну стой, хватит измываться. В общем, ты можешь приказать мне возвращаться по твоей просьбе, можешь приказать быть от тебя в ста метрах, да хоть в ста верстах, можешь призвать в любой момент.... Стой, а.

— Та-ак, — я остановилась, и развернувшись сделала шаг назад к ограде. — Я сейчас кое-что скажу, а ты либо соглашаешься, либо будешь тут сидеть остаток жизни, как мастиф. Чтобы скучно не было, лаять научишься.

— Говори, — выдохнул бес и в его глазах опять зажегся

огонек надежды.

— Сейчас прикажу быть возле меня, а дома другие приказы испробуем. Но ты будешь говорить только в том случае, если я попрошу. Договорились?

— Да, клянусь! — моментально ответил бес и сглотнул слюну.

— И больше никаких вот этих: «сладенькая», «Аннушка». Понял? Я Анна Львовна!

— Да, Анна Львовна. Принял к сведению, и от меня вы больше ничего подобного не услышите. Никогда!

— Беру тебя с собой, и от меня ни на шаг, но молчком. Усвоил?

— Есть, ни на шаг, Анна Львовна, — довольная рожа беса словно растворилось в воздухе и материализовалась уже рядом с экипажем. Естественно, с телом.

Лошадь фыркнула, но, поведя ушами, как будто успокоилась.

— Набережная Крюкова канала, дом одиннадцать, — озвучила я адрес своей квартиры, выделенной Победоносцевым, и уселась в экипаж. Бес сел напротив и принялся кусать губу. Потом размял запястья, словно до этого на них были цепи, и заозирался, будто и леса, в который мы въехали, не видел больше сотни лет.

Квартира моя числилась за мной с первого дня после присяги. Платила за нее не я, но обставить минимально необходимым пришлось, поскольку представления у меня и у рот-

мистра о «самом насущном» явно отличались.

В квартире изначально имелась грубо сколоченная кровать с матрасом, набитым чем-то жестким, платяной шкаф с оторванной, и висящей на одной петле дверцей, стол и табурет. Кухня была оборудована лишь очагом. Один из ее углов был завален углем. Отхожее место было общим с пятью квартирами соседей, а ванны не было вовсе.

Одежду мне, как и остальным женщинам, выдали в большом сундуке, и надо отдать должное, не пожалели денег ни на нижнее белье, ни на обувь. Все было новое, модное, хоть и однообразное. Нет, особой модницей я никогда не была, да и придавала настолько малое значения одежде, что часто принимали за молодого человека. Особенно, если на голову накинуть капюшон худы.

— Ко-ошки – матрёшки, это что за дыра-то, Анна Львовна? — протянул Лука, как только вошел в мое жилище.

— Квартира моя. Все самое необходимое в ней есть... — начала-было уже оправдываться я, но резко себя остановила. — Может тебя обратно в особняк вернуть? Там, в спальне-то, с пожилой дамой явно было поприятнее, правда? Она поди и переодевалась при тебе? Поедем?

— Ну, чего сразу в крайности-то? Я ж как лучше хочу...

— А обещание исполнить не хочешь? Договорились ведь – ни слова без дела. Спрошу – ответишь. Мнение твое меня сейчас менее всего интересует. Усёк? — как ни странно, но меня он не так уж и донимал. Только, вот следовало держать

эту скотинку в рамках, иначе, себе дороже.

Спала я первые пару ночей просто приказав бесу быть в сотне метров от меня, чтобы по городу не блуждал. За доходным домом, в котором и находилась моя квартирка, были конюшни, а перед домом канал. Ни одного злачного заведения, ни одной девицы легкого поведения, поскольку денег в нашем районе не имелось ни у кого.

В первую ночь мой подопечный с берега канала хайлал песни. Когда утром я запретила это делать, сказал, что уговора не нарушил, ибо пел исключительно сам для себя. Во вторую ночь читал стихи собственного сочинения о муках его гнетущейся души. Надоел страшно, да и жаль стало его как кота шелудивого, выставленного за порог за провинности. В общем, разговора было не избежать.

— А ты на работу отчего не ходишь, Анна Львовна? — спросил Лука, как только я дала ему слово. Завтракала я кашей, приготовленной на очаге в единственной кастрюльке, что имелась из посуды, не считая кружки, ложки и пары мисок.

Смотрел он на миску с кашей тай, будто в ней лежал не вареный овес, а тараканы.

— А ты что, в тунеядстве меня обвиняешь? — я ела кашу, которая без сливочного масла оказалась не совсем уж и съедобной.

— Так... просто... интересуюсь, на что жить собираетесь?

— А тебя это касаться не должно, — последнюю ложку я

съела уже давясь, и исключительно для того, чтобы подольше не захотеть есть. Денег, выделенных службой, оставалось критически мало, потому что я купила матрас, набитый шерстью и набор простыней, из которых сшила набор постельного белья с пододеяльником.

— Если вы разрешите, я могу предложить вам, Анна Львовна способ... заработать... ну, достаточно, чтобы питаться в ресторане, и беса своего голодом не держать. Страсть как жрать охота!

Глава 5

На тот момент я вовсе не планировала ничего в своей новой жизни, но понимание, что привязываюсь к этой ироничной твари несколько пугало.

Пара мы с ним, конечно, странная: один — практичный и, возможно, слишком аскетичный борец со злом, другой — гедонист в теле беса, который искренне не понимает, почему спасение мира должно пахнуть сыростью и дешевым мылом.

Петербург встретил август так, будто хотел утопить его в Мойке. Небо цвета нестиранных подштанников нависло над крышами, а из щелей в окнах тянуло такой сыростью, что, казалось, в углах вот-вот заведутся если не русалки, то как минимум плесень с зачатками разума.

После завтрака, кривясь от ужасной погоды, я встретилась со своим начальником, который всегда присылал мальчишку, если я была нужна для очередного дела. Если бы не Лука, мне светило весь день наводить справки о некоем Николае Петровиче – перспективном чиновнике из Министерства путей сообщения.

В течение полугода у него проблема с ногой: врачи ставят нервную болезнь, но, с другой стороны, болезненный стал уж больно удачлив.

Я стояла перед треснувшим зеркалом, пытаюсь застегнуть воротник своего приличного рабочего платья — шерстяно-

го, цвета «петербургской тоски». Ткань кололась, а пуговицы, казалось, сопротивлялись самому факту своего существования. Навестить чиновника вечером у него дома не казалось мне хорошей идеей, но Глеб Иваныч уже договорился с супругой Николая Ивановича о приеме. Я должна была представиться учительницей рисования, поскольку пятилетняя дочь их имела особую тягу к калякам – малякам, а молодые родители верили в ее гений.

— Если ты, Анна Львовна, сейчас скажешь, что это подчеркивает твою индивидуальность, я подам в отставку, — раздался дребезжащий голос.

— Ты же обещал не подглядывать, когда я переодеваюсь, — рука было дернулась чтобы замахнуться и швырнуть в беса домашним платьем, но потом подумала, что слишком много чести и продолжила сборы. — Служба выделила это жильё как конспиративное, Лука. Мы не можем привлекать внимание излишней роскошью, — спокойно ответила я, борясь с последней пуговицей.

— Излишней? — Бес прошел в комнату и развалился на табурете, насколько это можно было сделать. — Анюта, радость моя, здесь даже тараканы выглядят так, будто собираются совершить коллективное самоубийство из сострадания к нам. Эти обои... они не просто желтые. Они цвета предсмертной икоты больного чахоткой. А матрас? Я вчера пытался на нем пристроиться, так мне показалось, что я сплю на мешке с битым кирпичом и грехами мелких чиновников.

— Ты совсем берега потерял? На моем матрасе? Лежал? А еще, ты должен понимать, что моя жизнь — служба, а не развлечения!

— Мы здесь, потому что твоё начальство — кучка скупердаев, которые путают «секретность» с «нищетою», — Лука подошел ко мне сзади и критически осмотрел наряд. — Это платье. Анна, умоляю. В нем ты похожа на гувернантку, которую выгнали из дома за излишнее целомудрие. Даже бесы не захотят в тебя вселяться — побоятся умереть со скуки прямо в астральном теле.

Я вздохнула и повернулась к нему. Ругаться и расставлять все те же рамки и границы, которые уже обсуждались не хотелось — мне нравилось его настроение, а еще больше нравилась его манера добиваться своего. Наверное, мне не доставало в себе именно этой черты.

— Что ты предлагаешь? Написать рапорт с просьбой выдать нам субсидии на шелка и омаров?

— Рапорт? О, нет. Бюрократия — это изобретение моих коллег из круга пониже, там всё завалено бумажками, — Лука ухмыльнулся, обнажив белоснежные зубы. — Я предлагаю восстановить справедливость. Понимаешь, в чем проблема этой квартиры? В ней нет жизни. И вина. И хрустящих ассигнаций.

Он подскочил с табурета и в пару секунд оказался на подоконнике. Уставившись на тоскливое марево, что в Петербург называлось небом, продолжил:

— Есть одно заведение на Большой Морской. Называется скромно: «Клуб любителей тишины». На деле — самое развеселое гнездо порока, где карты летают быстрее, чем сплетни в Летнем саду. Там сегодня будет Николай Петрович, тот самый чиновник с дергающейся ногой, к которому твой ротмистр советовал присмотреться... Но прежде, чем мы займемся его «пассажиром», нам нужно немного... реквизита.

— О! Так ты не с пустой болтовней? А по поводу твоего предложения... У нас нет денег на игру, Лука.

— У тебя нет. А у мироздания — завались, — бес, поняв, что я слушала его, и даже обдумывала предложение, подмигнул мне. — Слушай внимательно. Ты наденешь свою дурацкую мантилью — ту, что с кружевом, она хоть немного скрывает это суконное недоразумение. Мы пойдем туда. Я буду сидеть у тебя на плече и шептать, у кого из этих надутых индюков на руках флеш-рояль, а кто блефует так жалко, что даже мне стыдно.

— Это мошенничество, — заметила я, — на плече? А больше ты ничего не хотел?

— Хотел мяса. Уже неделю, хотел до судорог, душа моя, но вы, Анна Львовна, наученная кем-то, считаете, что сытый бес — к беде. А про мошенничество... это не оно, это перераспределение излишков в пользу малоимущих борцов с нечистью! — патетично воскликнул Лука. — Как ты собираешься ловить Вертуна, если у тебя урчит в животе? Твой желудок скоро начнет подавать сигналы в преисподнюю, и

они придут на звук, решив, что это их вызывают. Нам нужен ужин. Настоящий. Стерлядь, шампанское и... может быть, те маленькие пирожные, которые ты так любишь, но делаешь вид, что нет.

— Вертуна? — я даже плюнула на то, что бес в курсе о моей любви к пирожным. Дело, которое мне утром передал ротмистр было сложным, и с Лукой я его еще не обсуждала. Чиновник, которого следовало проверить, и правда, был игроком, но при всем этом, не должен никому, денег огромными суммами не проигрывал — все в рамках. А мой бес уже навел все нужные справки. Безусловно, он был полезен мне, но я старалась не забывать и о том, что Лука все выворачивал так, чтобы ситуация была на руку в первую очередь для него лично.

Служба действительно платила гроши, считая, что «особый дар» — само по себе вознаграждение.

— Хорошо. Но только на ужин и на новое платье. Играть будем исключительно ради расследования! Никаких излишеств.

— О, конечно! — Лука картинно приложил руку с идеально подточенными ногтями к груди. — Никаких излишеств. Только самое необходимое для выживания в высшем свете. Например, пара туфель на каблуке, от которых у мужчин перехватывает дыхание, а у бесов — желание немедленно сдаться в плен. И, ради всего... Давай возьмем тебе шляпку!

— Имей в виду, если нас поймают, а Победоносцев явит-

ся меня вызволять, я сообщу, что ты меня заставил. И тогда госпожа Бесова лично займется твоим внутренним миром. А если быть точнее – перенесет его вместе с твоим холеным телом за Предел. И еще – никаких шляпок. От них у меня возникает желание кому-нибудь треснуть по шее, а, поскольку рядом со мной всегда ты... ну, ты понял!

— Моя дорогая, все будет лучше, чем ты можешь себе представить! — Идем. Пора показать этому городу, что Анна Лиходеева может быть опасна не только для демонов, но и для кошельков петербургских богачей.

Мы вышли в серый, похожий на сумерки, туман. Петербург, казалось, дышал этим туманом, иначе он просто не мог. Лука всю дорогу до Большой Морской рассуждал о том, что если бы он правил этим миром, то первым делом запретил бы дождь и разрешил бы есть десерты вместо завтрака, обеда и ужина.

— И назови меня как-нибудь прилично, когда будем в клубе, — прошептал он мне в самое ухо, когда мы подошли к тяжелым дубовым дверям. — Например, граф Люциан. Мне идет.

— Ты будешь сидеть молча и не высовывать хвост из-под шали, «граф», — отрезала я и толкнула дверь.

За порогом нас ждал запах дорогого табака, шелест карт и та самая энергия азарта, на которую, как мухи на мед, слетались существа куда более опасные, чем Лука. Но сегодня охотником была я.

Глава 6

Вечер на Большой Морской обещал быть либо триумфальным, либо позорным. Клуб, как я и подозревала, встретил нас тяжелым духом дорогого табака, пота и азарта. Хрустальные люстры дрожали от гула голосов. Дорогие ковры на полу чуть гасили бормотание игроков и смешки сопровождающих их женщин. Я была уверена, что это не жены.

Проходящие мимо нас официанты бросали на меня настолько уничижающий взор, что мне, человеку далекому от чувства неловкости, стало неудобно за свой «наряд».

Я, затаенная в свое «платье вдовствующей добродетели», сжимала в руках ридикюль. И чувствовала себя не в своей тарелке. Впервые!

— Ты выглядишь так, будто идешь на опознание собственного трупа, — проворчал Лука, шагающий рядом с таким видом, словно он Император, заглянувший на огонёк в это пристанище разврата. — Расслабь лицо, Анюта. Мы идем в элитный вертеп, а не в приют для кающихся грешниц. И ради всего святого, если я скажу «ставь на зеро», не спрашивай «почему», просто ставь. Твоя интуиция сейчас спит, а моё чутье на чужую жадность — в самом расцвете.

— Я не собираюсь проигрывать казенные деньги на твои капризы, Лука, — шепнула я, осматриваясь.

Да, за суммы, полученные для дела, приходилось отчиты-

ваться. Мое же содержание считалось по местным меркам немалым, но удобства, о которых я скучала, как и хороший кофе с коньяком стоили недешево. Я могла отказать себе в хорошей еде, но не в хорошем матрасе, удобном шкафе и... да, алкоголе.

— Это не капризы, это инвестиции в моё душевное равновесие! Если я еще раз пообедаю той серой массой, которую ты называешь едой, я сам превращусь в кашу, а я нам ещё нужен! — Лука вдруг замер, его щека дернулась, будто он пытался отогнать невидимую муху. — Вон туда, — его голос стал резким, лишенным привычной иронии. — К третьему столу. Там сидит наш клиент. Только... Анна, будь осторожна. Там пахнет не просто грешком.

Я посмотрела в указанном направлении. За столом сидел нужный нам Николай Петрович. Чиновнику было около сорока, и природа явно отдохнула на его чертах: низкий лоб, глаза-бусинки, крупный нос в белых точках прыщей и постоянно влажные губы. Он был неестественно подвижен: руки постоянно теребили пуговицы жилета, шея дергалась, словно воротничок был ему нестерпимо мал.

Но как только я подошла ближе, увидела больше. Точнее, почувствовала. От него исходила густая, липкая вонь разложения, которую не могли скрыть лучшие парижские духи.

— Я его не вижу, — шепнула я Луке, пробираясь к столу. — Беса нет снаружи.

— Вот и я о том же, — Лука заерзал. — Он слишком глу-

боко. Анюта, может, ну его? Давай просто обчистим вон того графа в углу и купим тебе платье, которое не вызывает желаний немедленно начать панихиду? Потом заглянем в ресторацию, откушаем рябчика. Жизнь, знаешь ли, не должна состоять из одних только смирений. Кстати... ты так и не рассказала откуда ты взялась, а самое главное – откуда в тебе Лиходеевская кровь? — Лука, в момент, по моему взгляду понявший, что тема закрыта, продолжил по делу: — Этот чинуша... он как мешок с тухлятиной, в котором затаилась гадюка.

Бес так искренне морщился от вони других бесов, словно сам им не являлся, и, если бы не некоторая моя неуверенность в хорошем исходе сегодняшнего дела, я бы искренне посмеялась над его брезгливостью к сородичам.

Рассматривая нашего «клиента», вспомнила наставление, данное мне в монастыре: «Если человек долго и с упоением лелеет свою тьму, бес перестает быть гостем. Он становится хозяином, прорастая в каждую кость, в каждый нерв».

Да, да, мне еще предстоит рассказать об отрезке моей жизни, где был монастырь, и я обещаю, что мы к этому обязательно придем.

— Мы работаем, Лука, — отрезала я, как всегда, себе под нос, и присела за стол. Игра началась.

Благодаря подсказкам Луки, который бесцеремонно заглядывал в карты соседей, за час я выиграла больше ста рублей. Стопка ассигнаций передо мной росла, привлекая вни-

мание.

Николай Петрович, до этого поглощенный своей игрой, наконец повернулся ко мне. Я еще не обогнала его в выигрыше, но дело шло к этому. Мы с ним становились самыми жирными рыбками за этим игровым столом. Я ждала его внимания, поскольку пришла сюда, в отличие от моего спутника, не за деньгами.

Взгляд чиновника, масляный и тяжелый, прошелся по моей фигуре. К слову, я никогда не считала ее притягательной, но у этого времени было кое-что, с чем я не просто смирилась, а полюбила всем сердцем. Это были корсеты! Хороший корсет, как оказалось, мог сделать из обычной женщины с симпатичной мордашкой настоящую чаровницу. Этим своим открытием я не делилась ни с кем, но по чуть-чуть начала пользоваться, и мне нравилось мое отражение в зеркале все больше и больше.

— О, прелестная вдова решила испытать судьбу? — проскрежетал он. — Надеюсь, ваша удача в картах не означает, что в любви вам суждено лишь оплакивать усопших? Знаете, такие строгие наряды только разжигают воображение... интересно, что под этим слоем шерсти? Кожа, белая как мрамор, или сердце, холодное как лед?

— Он сказал, что твоя кожа как мрамор? — хмыкнул Лука мне на ухо. — Скажи ему, что под платьем у тебя спрятан диплом по экзорцизму и очень плохой характер. Или просто наступи ему на ногу, я добавлю веса.

Объект моей сегодняшней охоты пододвинулся ближе, и запах гнили стал почти невыносимым.

— А не бойтесь, сударыня, что фортуна — дама капризная и может потребовать... иных закладов?

— Он только что предложил тебе то, о чем я думаю? — взвился Лука. — Анята, скажи ему, что его физиономия напоминает мне задницу старой мантикоры после несварения! Ну же, оскорби его, это будет весело!

Я невольно фыркнула от сравнения Луки. Услышав мой смешок, Николай Петрович подался вперед, думая, что я заигрываю. И в этот миг маска соскользнула. Его черты исказились, кожа на лице словно натянулась на чужой, слишком острый череп, глаза блеснули багровым. Это был уже не чиновник. Это была оболочка.

— Пора, — прошептала я, выставив на стол все свои выигрыши, а сверху положила небольшую шкатулку, обитую потертым бархатом. — Ва-банк, милостивый государь, — мой голос был тверд. — Против вашего... внимания.

Внутри шкатулки, под слоем бархата, пропитанного составом из полыни и четверговой соли, были скрыты иконы. А на виду лежало массивное золотое кольцо — приманка.

Бес внутри Николая Петровича задрожал от жадности. Золото высокой пробы всегда было лучшим крючком для таких тварей. Я намеренно сдала себе слабую карту. Мне нужно было проиграть.

— Моё! — взвизгнул Николай Петрович, его рука, боль-

ше похожая на когтистую лапу, метнулась к шкатулке. Как только его пальцы коснулись колье, я увидела, как между золотом и его кожей проскочил разряд, похожий на электричество. Это сработала ловушка.

Беса буквально потянуло из тела в шкатулку, как дым в трубу. Чиновник выгнулся, из его горла вырвался нечеловеческий хрип.

— Захлопывай! — заорал Лука, прыгая сверху на крышку.

Хлоп!

Николай Петрович обмяк и повалился на стул, тяжело дыша. Его лицо начало медленно возвращаться в нормальное — хоть и по-прежнему несимпатичное — состояние. Он очумело огляделся по сторонам, не понимая, как оказался в клубе и почему у него так болят суставы.

— Ну вот, — Лука с облегчением уселся на захлопнутую шкатулку, которая теперь слегка вибрировала. — Обед отменяется, зато у нас есть этот прыщавый жилец. Знаешь, Анята, я тут подслушал шепот его сознания, пока он вылетал...

— Рассказывай, — ответила я, понимая, что иначе мой верный помощник не успокоится, а еще, я усвоила, что между своими саркастичными шуточками бес говорит дело. Главное — научиться слушать!

— Это ведь его женошка постаралась. Добрая женщина. Матушка ей этого беса в приданое отдала, как старый само-

вар. Она его в муже «высиживала», подкармливала его злобу, чтобы бес вырос и начал деньги в дом приносить. Семейная идиллия, не иначе.

Я не стала убирать шкатулку в ридикюль. Руки мелко дрожали. Люди за столом, непонимающие что произошло и всеми силами помогающие сейчас Николаю Петровичу прийти в себя, казалось, и не замечали, что я уходила из клуба с его выигрышем.

— Ты был прав, Лука. В этом городе опасно быть просто сытым. Нужно быть либо святым, либо чертовски хитрым.

Мы вышли в ночной город, который, за время нашего пребывания в клубе стал, кажется, еще более неприветливым. Думала я в этот момент только о том, что дела мои первые — относительно простые, и я на самом деле слишком мало видела еще, да и в монастыре нам показали только тех тварей, которых смогли поймать стражники с силой и возможностями куда меньше наших.

— Вот! — Лука назидательно поднял палец. — Наконец-то ты начинаешь меня слушать. — А теперь, раз уж мы спасли этого недоноска от окончательного развоплощения, можем мы зайти в ту ресторацию за углом? Там подают перепелов. Я чувствую, что после такой охоты мне просто необходим перепел. И бокал красного. Для дезинфекции души, разумеется.

Я посмотрела на шкатулку в руках. Внутри билось пойманное зло, а рядом шел мой собственный бес, который был

сейчас ближе любого человека.

— Идем, — вздохнула я. — Но перепел только один! Нам еще отчет писать. Надеюсь, мне положена какая-то премия за столь раскормленного беса.

— Обожаю, когда ты включаешь начальницу, — хихикнул Лука. — Это так... возбуждает аппетит!

Глава 7

Утро в Петербурге выдалось на редкость колючим. Один из тех дней, когда город словно пытается выжить тебя со своих улиц: туман липнет к лицу, а ветер с Невы норовит забраться под самое добротное сукно.

Я шла по набережной, чувствуя в ридикюле приятную, но тревожную тяжесть серебряной шкатулки. Внутри неё, запертый между иконами и заговорённым бархатом, бесновался мелкий паразит, которого мы вчера так удачно извлекли из несчастного чиновника. Отчет я заполнила утром наскооро, и совсем не по форме рапорта, как нас учили. Вечер, проведенный в ресторане с Лукой, закончился почти утром, и перепела с шампанским не стали единственным его украшением.

Сейчас я думала о том, о чем стоило подумать вчера еще до второй бутылки игристого: официант, пребывающий в шоке от количества снеди, принесенной им к моему столу, скорее всего, сегодня с самого утра рассказывал друзьям о вдове, съевшей не менее трех перепелов, одного фазана и пять профитролей, размером с кулак. О количестве выпитого я даже вспомнить боюсь – Лука пил, как пожарная лошадь.

Сейчас же, мой бес, в совершенно прекрасном расположении духа, невидимый для прохожих, кружил вокруг меня,

как перекормленный ворон.

— Анюта, ну признай, я был великолепен! — зудел он мне прямо в ухо. — Как я его подсек? Как он дернулся, когда понял, что колье — это не подарок судьбы, а высоковольтный капкан? Правильно ведь я повторил? «Вы-со-ко-вольтный»! Прекрасное новое слово, Анна. Спасибо тебе за него. А запах? Ты чувствовала, как пахнет жареный бес? Напоминает старые сапоги, брошенные в камин. Клянусь, я заслужил хотя бы фунт трюфелей. Или хотя бы не жить в этой конуре, где из щелей дует так, что ноги по утрам сводит судорогой. Дворник либо топит свою дворницкую так, что, вспо-тев, аки крестьянин на пахоте, воняет похуже любого из наших, либо выстудит ее до температуры смертничкой. Никакой тебе золотой середины!

— Лука, угомонись, ноги у тебя не мерзнут. А спать в моей квартире ты не будешь никогда! — тихо ответила я, едва шевеля губами. — Ты подождешь меня в парке. У меня к ротмистру есть разговор, который тебе слышать совершенно не обязательно.

— Опять секреты? — Он картинно обиделся и кувырк-нулся в воздухе. — Я, можно сказать, жизнь за тебя кладу, в морды мерзким чинушам вцепляюсь, а она меня — за дверь! Это дискриминация по видовому признаку, вот что это такое.

Мы подошли к тяжелым дверям Управления жандармерии. К нему вела красивая аллея, где сейчас гуляла моло-

дежь. Мой руководитель занимал должность вполне банальную, но за ней скрывалось его основное, главное дело. Я остановилась и строго посмотрела в пустоту, где, как я знала, болтался мой бес.

— Жди меня в сквере на скамье. И не вздумай пугать голубей или подглядывать в окна. Это приказ, Лука. Он что-то пробурчал про «неблагодарных смертных», но послушно спикировал в сторону ближайших деревьев.

Я проследила, как Лука, приняв облик серой дымки, приостился на спинке скамьи прямо над плечом молодого офицера. Юноша, лет двадцати двух, в расстегнутой шинели, с лихорадочным блеском в глазах, в десятый раз перечитывал измятый листок бумаги.

— «Мой милый Алеша, обстоятельства сильнее нас...» — вслух прочитал Лука, принюхиваясь к запаху дешевых духов, исходящему от письма. — Фу, какая пошлость. Алеша, дружок, она же тебе врет. У неё почерк человека, который спит и видит, как бы выскочить замуж за лабазника с тугим кошельком. А ты тут сидишь, сопли на кулак наматываешь. Жизнь, юноша — это не гербарий из засохших чувств, это скотобойня. Либо ты ешь, либо тебя.

Я грустно улыбнулась. Офицер, конечно, его не слышал. Он лишь тяжело вздохнул и уставился на серые воды фонтана. Лука раздраженно дернул щекой.

— Посмотрел бы ты на меня, — продолжал бес. — Я вот существую без диеты и выходных, служу одной заносчивой

девице с замашками инквизитора, и ничего, не жалуясь. А у тебя — и мундир приличный, и зубы все на месте. Эх, мне бы твои возможности, я бы этот Петербург на уши поставил за одну ночь...

Этот бес знал, что я его слышу, да и говорил он это явно для меня. Выдохнув, я прошла медленно мимо них и дернула тяжелую дверь.

В здании пахло воском, казенным табаком и какой-то особенной, архивной тишиной. Глеб Иванович ждал меня в своем кабинете. Это был человек старой закалки: сухой, как вобла, высокий, с глазами цвета невского льда, седой, хотя имел достаточно роскошную шевелюру.

Когда я вошла, он даже не поднял головы от бумаг, лишь указал пером на стул напротив. Я молча достала шкатулку и поставила её на полированную поверхность стола. Серебро тускло блеснуло в свете газовой лампы.

— Дело закрыто, господин ротмистр, — сказала я. — Объект захвачен. Николай Петрович пришел в себя, хотя, боюсь, головная боль будет мучить его еще неделю. Панфилов наконец взглянул на шкатулку. Его пальцы, унизанные старыми шрамами, осторожно коснулись крышки. Он не открывал её — знал, что ловушка одноразовая и вскрывать её здесь опасно.

— Хорошая работа, Лиходеева, — его голос звучал глухо. — Чисто сработали.

— Что с ним будет? — я кивнула на шкатулку. — С тем,

кто внутри. Ротмистр устало потер переносицу. Выглядел он сегодня совсем не так, как всегда: круги под глазами, рассредоточенный взгляд.

— Через пару дней он уйдет за Предел. Шкатулка устроена так, что внутри создается своего рода вакуум для подобных сущностей. Он просто... растворится, вернется в ту пустоту, из которой пришел. Не беспокойся, мучений не будет. Просто небытие.

Я кивнула, хотя на душе все равно было беспокойно. Несмотря на всю мерзость этих существ, в моменты поимки я чувствовала их животный, почти человеческий страх. Но правила есть правила. Я открыла ридикюль и достала пачку ассигнаций.

— Вот остаток средств. На посещение клуба и «вдовый» наряд ушло меньше, чем предполагалось. Здесь сто четырнадцать рублей. — Спокойно расшифровала я свои расходы.

Панфилов замер. Он явно не ожидал, что я верну деньги. Обычно агенты списывали всё до копейки на «непредвиденные расходы». Он молча взял деньги, пересчитал их с профессиональной скоростью и пододвинул мне ведомость. Я расписалась, чувствуя на себе его странный, изучающий взгляд. Деньги исчезли в недрах массивного сейфа, и тяжелый щелчок замка поставил точку в этой финансовой части.

— Свободна, Анна, — сказал он, снова утыкаясь в бумаги. — Дел на сегодня больше нет. Ступай, отдохни. Ты выглядишь бледнее обычного. Может плохо ешь?

Я встала, но не спешила уходить. Что-то в его позе, в том, как нервно подергивалось его веко, выдавало крайнюю степень беспокойства. Обычно невозмутимый, сейчас он казался натянутой струной. Я заметила, как он старательно, словно невзначай, прикрыл локтем синюю папку с документами, лежавшую с краю стола.

— Вы чем-то обеспокоены, Глеб Иваныч? — мягко спросила я. — У вас такой вид, будто вы ждете известий о конце света.

Он резко вскинул голову, и на мгновение я увидела в его глазах кроме беспокойства... неприкрытый страх. Но маска поменялась мгновенно — человек умел владеть своим лицом.

— Тебе показалось, Анна. Просто мигрень. Иди.

Я поклонилась и вышла, но предчувствие чего-то, с чем я возможно не справлюсь когда-нибудь уже шевелилось где-то под ложечкой. Панфилов никогда не прятал документы от своих. Никогда. Но кроме наших, с грифом «Секретно» он вел обычные полицейские дела, в которых не фигурировала нечисть, не требовалось применять дара, а нужны были только опытные следователи.

Когда я вышла в сквер, сразу увидела Луку. Он сидел на скамье в своем человеческом обличье и продолжал «диалог». Молодой мужчина даже не поменял позы: сгорбившись, и в сотый раз перечитывая смятое письмо, он кидал невидящий ничего взгляд на канал. Глаза его были пусты.

— Слушай меня, парень, — вещал Лука, закинув ногу на

ногу. — Жизнь — это вообще крайне несовершенная штука. Сегодня она пишет тебе, что любит, а завтра выходит замуж за торговца колбасой, потому что у него лавка в Гостином дворе и нет прыщей. Это закон природы! Брось ты это письмо в Мойку, пойдем лучше... а, точно, ты же меня не слышишь. А жаль, я бы научил тебя, как обыграть этого колбасника в штосс.

Я подошла вплотную и коснулась плеча Луки. Он вздрогнул и мгновенно принял невидимую форму, растворившись в воздухе. Офицер лишь поежился, словно от внезапного сквозняка.

— Нафилософствовался? — спросила я, глядя в пустоту.

— Да скучно тут у вас, — проворчал он уже у моего уха.

— Все страдают, все плачут. Никакого полета фантазии. Ну что, идем кушать фазана?

— Фазан подождет, — я посмотрела на молодого офицера, который, кажется, и вовсе не заметил меня, потом резко повернулась к зданию жандармерии. — Лука, у меня для тебя есть работа. Настоящая.

— Опять? — он страдальчески вздохнул. — Я же только что спас человечество от вони! А сейчас пытаюсь отговорить этого парнишку от дурных мыслей...

— Слушай внимательно. Поднимись обратно. Кабинет ротмистра, второй этаж. Ну, ты знаешь где и что. Он сейчас там один. На столе, прямо под его правым локтем, лежит синяя папка. Мне нужно знать, что в ней. Каждое слово, Лука.

Особенно те, что он пытается спрятать.

Бес молчал. Я почувствовала, как изменилось его настроение — из шутового оно стало холодным и сосредоточенным.

— Ты уверена, Аня? — серьезно спросил он. — Лезть в бумаги твоего начальства — это пахнет не просто выговором. Это пахнет Сибирью.

— Уверена. Он напуган, Лука. А если напуган такой человек, как Панфилов, значит, нам всем грозит нечто похуже Сибири. Иди. Я жду тебя за углом, в кондитерской «Вольф и Беранже». А тебя в Сибирь скорее отправлю я, потому что не допущу, чтобы кто-то другой расквитался с моим личным помощником, выпившим у меня уже столько крови, что хватило бы еще на пару человек.

Бес не заставил себя ждать. Он сорвался с места черной тенью, а я замерла, глядя на все того же мужчину, пустыми глазами смотрящего в одну точку. В голове крутилась только одна мысль: что же такого может быть в этой папке, если ее содержание пугает Панфилова, как бойцовская собака с окровавленной пастью может напугать девчонку? А лицо у ротмистра было именно таким!

Глава 8

Я присела на соседнюю свободную скамью, стараясь не привлекать внимания, и открыла ридикюль, делая вид, что ищу платок. Но на самом деле я смотрела на молодого человека глазами профессионала, который слишком много времени провел в анатомическом театре.

Мужчине было едва ли двадцать пять. Красивое, тонкое лицо с той особой бледностью, которую в свете называют «благородной», а врачи — признаком глубокого истощения. Глаза, то ли голубые, то ли зеленые, в этом сером питерском свете совершенно не читались точно.

Его пальцы, сжимавшие измятый лист письма, мелко дрожали. Он не просто читал — он впивался глазами в строчки, будто искал в них приговор или прощение. Внезапно воздух вокруг нас словно замер. По затылку пробежал знакомый ледяной сквозняк, от которого волосы на шее встали дыбом. Пространство на мгновение подернулось маревом, и я почувствовала этот запах — тяжелый, металлический, отдающий серой и старым подвалом.

Я замерла, инстинктивно сжав пальцы на ручке ридикюля. Неужели я ошиблась? Неужели за этим юношей уже пришел кто-то из Бездны, почуяв его слабость и отчаяние? Тень за его спиной показалась мне слишком длинной, слишком живой...

Но через секунду я выдохнула. Ощущение было острым, но поверхностным. Это не был живой бес. Это был «шлейф». Лука сидел здесь совсем недавно, изводя бедного парня своими нравоучениями о несовершенстве жизни, и его энергия пропитала даже старые доски скамьи. Это был всего лишь едкий озоновый след моего собственного демона, который он оставляет повсюду, как отпечатки пальцев.

Я посмотрела на Алексея. Он выглядел так, будто еще один порыв ветра — и он просто рассыплется в прах. Игнорировать такое состояние я не могла — профессиональная привычка спасать то, что еще можно спасти, всегда была сильнее осторожности.

— В Петербурге письма редко приносят хорошие новости в такую погоду, — негромко произнесла я, обращаясь скорее к небу, чем к нему.

Офицер вздрогнул и повернул голову. Его взгляд, блуждающий и туманный, медленно сфокусировался на мне. Он посмотрел на меня так, будто я была привидением, вышедшим из тумана.

— Простите? — голос мужчины звучал сухо и надтреснуто, как старый пергамент. Ох уж эти низкие, бархатные мужские голоса, от которых мурашки бегут по спине. Редко в набор к такой внешности дают еще и голос, но этому экземпляру повезло. Но, что-то подсказывает, что он не в курсе.

— Я говорю, почта в нашем городе обладает удивительным талантом выбирать самые мрачные дни для своих от-

кровений, — я слегка повернула голову и мягко улыбнулась ему из-под вуали. — Вы так крепко сжимаете это письмо, поручик, что боюсь, чернила скоро останутся у вас на ладонях.

Он посмотрел на свои руки, будто только что их заметил, и поспешно, неловко спрятал письмо в карман шинели. Его щеки тронул едва заметный, болезненный румянец.

— Виноват, сударыня. Я... я не заметил, как увлекся.

— Увлечение — это когда читают стихи, — заметила я, внимательно изучая его зрачки. Они были расширены, несмотря на дневной свет. — А у вас на лице написано решение, которое вы приняли, и боюсь, оно вам самому не нравится.

Он замер, пораженный моей прямоотой. В ином случае он мог бы счесть это дерзостью, но в моем голосе, вероятно, было достаточно того спокойного авторитета, который всегда действовал на людей отрезвляюще.

— Вы очень проницательны, — пробормотал он, опуская голову. — Но иногда решений просто не остается. Есть только... обстоятельства.

— Обстоятельства — это декорации, Алексей, — я намеренно использовала его имя, которое услышала от Луки, надеясь, что он не заметит этой странности в общем замешательстве. — А актер здесь вы. И сцена пока не закончилась.

Он резко вскинул голову, в его глазах промелькнуло изумление, смешанное с испугом.

— Откуда вы... откуда вы знаете, как меня зовут? Мы знакомы?

Я позволила себе легкий, почти беззвучный смешок.

— Город тесен, а моя память на лица — это мое проклятие и дар одновременно. Кажется, я видела вас в обществе... общих знакомых. — Я поднялась со скамьи, поправляя перчатки. Нужно было оставить его в том состоянии, когда любопытство перевесит желание страдать. — Меня зовут Анна. И если вам когда-нибудь покажется, что «обстоятельства» слишком сильно сжимают горло — заходите на чай. Я знаю отличный рецепт от петербургской хандры, и в нем совсем нет лауданума.

Я сделала небольшой шаг в сторону, чувствуя, как он провожает меня взглядом — теперь уже живым, зацепившимся за реальность. И еще раз порадовалась, что не поленилась утром, и оделась с особой тщательностью. Молодой человек, которого утром выбрал то ли от скуки, то ли по какой-то совсем другой причине мой бес, был очень красив.

В этот момент я почувствовала, как рядом материализовался Лука, буквально вибрируя от возбужденности.

— Нет, ты видела? — Лука зашагал рядом, его полупрозрачный силуэт едва заметно мерцал в тени домов. — Столько драмы из-за одного клочка бумаги. Эти смертные так любят купаться в собственных слезах, что я иногда удивляюсь, как вы еще не эволюционировали в жаб.

— Хватит, Лука, — отрезала я, прибавляя шагу. — Что в

папке у Панфилова? Бес картинно выждал паузу, поправил лацкан пиджака и произнес с каким-то почти религиозным восторгом, смакуя каждый звук:

— Ма-ни-и-ак.

Я остановилась так резко, что какой-то разносчик газет едва не врезался в мою спину, пробормотав извинения. Я обернулась к Луке и посмотрела на него так, как обычно смотрят на очень запущенную гангрену — с профессиональным интересом и легкой брезгливостью.

— Что ты сказал?

— Ну, «мани-ак»! — повторил он, явно довольный произведенным эффектом. — Новое слово, Анна! Модное! Пахнет порохом, безумием и очень длинными протоколами. Глеб Иваныч прямо так и подумал, когда читал рапорт.

Я проигнорировала его энтузиазм.

— Как они умерли?

Лука замер. Его брови взлетели вверх, исчезая где-то в районе призрачной шевелюры.

— Умерли? Кто умер, душа моя?

— Жертвы твоего «мани-ака», — я раздраженно дернула плечом. — Обычно маньяки оставляют после себя трупы. Это их основная характеристика, если ты не заметил.

— О, — Лука разочарованно сдулся, став похожим на проткнутый пузырь. — Какое занудство. Вечно тебе нужны остывшие тела. Нет, дорогая, в этот раз всё гораздо... эстетичнее. Они живы. Но, судя по всему, ненадолго.

Я снова зашагала, на этот раз медленнее, пытаюсь переварить услышанное. — Если они живы, при чем тут вообще маньяк? С каких пор жандармерия расследует случаи ОРВИ или несварения желудка у золотой молодежи?

Мы дошли до дома в молчании. Луку явно разрывало от информации, но он так профессионально делал вид перебитого, и по этой причине обиженного, что я залюбовалась.

Поднявшись к себе, скинула шляпку и первым делом занялась тем, что возвращало мне связь с реальностью. Кофе. В этом времени он был чертовски дорог, пах как запретное удовольствие и стоил, вероятно, как небольшая карета, но это была единственная роскошь, которую я позволяла себе без зазрения совести.

Лука материализовался на кухонном столе, прямо рядом с туркой. Он сидел на столешнице и качал ногами. А еще, был уверен, что я закричу на него, прогоняя со стола.

— Ты пьешь эту жженую грязь с таким лицом, будто это эликсир вечной молодости, — он сморщился. — Хотя, признаю, благодаря моим скромным талантам и твоей... хм... предприимчивости, ты можешь заливать себя этой гадостью хоть до Второго Пришествия. Могла бы и «спасибо» сказать.

— Рассказывай детали, — бросила я, вдыхая горький аромат. — Подробно.

— Ну, слушай, — Лука уселся поудобнее, закинув ногу на ногу. — Пока я изображал из себя сквозняк в кабинете, Глеб Иванович принимал одного господина. Врач, почтенный

такой старец, из тех, что лечат только тех, у кого фамилия длиннее списка их грехов. Он буквально орал, Анна. Уверял, что подобных болезней в природе не существует. Твердил, что это отравление, причем планомерное.

— Имена? Возраст? Симптомы? — я сделала глоток, чувствуя, как кофе приятно обжигает горло.

— Пятеро. Юноши и девушки, от шестнадцати до восемнадцати лет. Все из приличных семей. Врачи в один голос ставят «бледную немочь» или запущенную меланхолию. Пациенты просто... гаснут. Перестают есть, почти не двигаются, кожа белая, как твой этот фарфор, — Лука хмыкнул. — Но вот что интересно. Когда добрый доктор вышел, Панфилов закрыл папку и спросил у потолка: «Какого черта этим делом интересуется сам Победоносцев, если здесь нет ни капли серы?»

Я замерла с чашкой в руке. Победоносцев. Обер-прокурор Синода. Человек, который видит заговор в каждом неверно поставленном ударении в молитве. Если он сует нос в дело о «бледной немочи», значит, вопрос не в медицине.

— Ты сказал «ни капли серы»? — уточнила я. — Глеб Иваныч уверен, что нечисть тут ни при чем?

— Настолько уверен, насколько может быть уверен человек, у которого в штате есть я, — саркастично заметил Лука. — Следов магии нет. Следов ритуалов нет. Есть только пять увядающих отроков и один очень напуганный врач.

— Пятеро... — я задумчиво постучала пальцами по столу.

— Ты сказал, их пятеро. — Знаешь, что странно, Лука? — я подняла взгляд на беса. — Бледная немочь — это диагноз для ленивых врачей. Им называют всё, что не могут объяснить.

— Ты хочешь в это влезть, да? — Лука подозрительно прищурился. — Опять начнешь вскрывать то, что еще шевелится?

— Мне мало ответов, — я встала и направилась к шкафу за верхней одеждой. — Если Победоносцев ищет здесь мистику и не находит её, значит, он ищет не там. А если Панфилов ищет преступника и не находит улики, значит, он не понимает, на что смотреть.

— И куда мы идем? — вздохнул бес, неохотно растворяясь в воздухе. — Слухи — страшная сила, Лука. Мы пойдем гулять. Забежим в пару мест, где люди много говорят, а потом купим газеты. Не любила я раньше эту шуршащую новостную ленту, но сейчас нам сгодится вообще все.

Глава 9

Утренний Петербург встретил меня колючим, пропитанным сыростью ветром, который так и норовил раскидать мою кое-как собранную прическу. Шляпки я ненавидела, и знаю, что думали обо мне прохожие, но в крайнем случае я могла надеть платок, но не шляпку, и это смотрелось еще более странно.

Вчерашний вечер, проведенный в новой ресторации, куда мы якобы зашли погреться с моим бесом закончился там же. Шампанское, каре ягненка и мясной рулет благополучно улеглись в наших желудках, чуточку отвлекая от неудачи в поисках нужной нам информации о новом деле ротмистра.

Записка от Панфилова, пришедшая с самого утра, была очень некстати. Собиралась я долго, ругая на чем свет стоит все, что творится вокруг, проклиная это время, в котором наличие душа – признак богатства.

— О, посмотрите-ка на неё, — раздался в моей голове вкрадчивый, пропитанный ядом голос Луки, как только я вышла за пределы квартиры. Он стоял на лестничной клетке, прислонившись к перилам и курил. Да да, курил! — Снова бежим на зов нашего доблестного жандарма. Платье подобрано кое-как, на щеке залом от подушки... Анна, Анна, не знаешь ты себе цену и совершенно не умеешь пользоваться своими данными.

Я проигнорировала его, стараясь не шевелить губами. К присутствию Луки, когда он невидим, привыкнуть не получится, и мне всегда будет казаться, что в голове моей живет кто-то еще. Но я научилась сосуществовать с этим саркастичным бесом, который видел мир как шведский стол, где главным блюдом были человеческие пороки.

Здание управления жандармерии встретило меня привычной суетой. Стук пишущих машинок, беготня курьеров, запах табака и чернил. Я поднималась по широкой лестнице, погруженная в свои мысли, когда на площадке второго этажа в меня буквально врезался высокий мужчина в офицерском мундире.

От неожиданности я едва не потеряла равновесие. Его руки, затянутые в безупречно чистые перчатки, вовремя подхватили меня за локти.

— Простите, ради Бога! Я был так невнимателен... — начал он, и замолчал на полуслове. Я подняла взгляд и узнала его. Алексей. Тот самый офицер, которого я вчера пыталась утешить и отвлечь от дурных мыслей.

— Гляди-ка, — тут же оживился Лука. — Это же наш вчерашний страдалец! Анна, смотри, как он на тебя пялится. У него на лбу написано: «Я готов писать тебе плохие стихи при свечах». Совсем одурел от своей любовной истории, даже дороги перед собой не видит. Может, подтолкнуть его? Лестница высокая, лететь будет красиво.

— Перестань, — мысленно шикнула я на беса.

Алексей тем временем не спешил отпускать мои локти. В его глазах вспыхнул живой, неподдельный интерес.

— Вы... — он запнулся, припоминая имя, которого я не называла. — Какая удивительная встреча. Я весь вечер корил себя за то, что вчера, после вашего приглашения, я совершенно растерялся и не спросил вашего адреса. Я ведь не против прийти к вам на обещанный чай, честное слово. Я даже искал вас...

Его тон был мягким, почти умоляющим, но мне сейчас было совершенно не до романтических прогулок и чаепитий, хотя внешность этого мужчины притягивала, чего уж там!

Панфилов ждал, и, скорее всего, уже рвал и метал, потому что прошло уже не меньше трех часов, как его посыльный доставил мне «приглашение».

— Алексей, я рада, что вы в порядке, — я мягко высвободила руки, стараясь улыбнуться как можно вежливее, но при этом сохраняя дистанцию. — Но сейчас я очень спешу. Дела, знаете ли...

Я уже приготовилась проскользнуть мимо него, когда из двери на лестницу раздался громовой голос Глеба Ивановича:

— Алексей Петрович! Я вас заждался в кабинете, а вы тут, оказывается, с девушками беседы ведете!

Я обернулась и Панфилов замер, увидев меня. Его брови поползли вверх, а лицо на секунду приняло выражение

крайней озабоченности. Я видела, как он напрягся. Мое присутствие здесь было секретом полишинеля, но для обычных сотрудников я должна была оставаться либо случайной просительницей, либо назойливой дамой, хлопчущей по какому-то мелкому делу.

— Ну же, Анна, не упускай шанс, — прошептал Лука, буквально захлебываясь от восторга. — Посмотри на лицо этого старого сухаря. Он боится, что ты сейчас испортишь ему всю дисциплину. Давай, подожги этот фитиль!

Внутри меня проснулся бес — и на этот раз не только в лице Луки. Мне захотелось немного встряхнуть Панфилова, который вечно пытался загнать меня в рамки приличий и секретности.

— Дядюшка! — воскликнула я, придав голосу капризные, звенящие нотки. — Наконец-то я вас нашла! Простите, что отвлекаю от ваших государственных забот, но та сотня, которую вы мне давали на прошлой неделе, совершенно закончилась. А мне ведь не только за жилье платить, мне котов кормить нечем! Вы же знаете, как Маркиз страдает без свежих сливок!

Панфилов на мгновение лишился дара речи. Его лицо начало медленно наливаться густым багровым цветом. Алексей Петрович, стоявший рядом со мной, переводил ошарашенный взгляд с «дядюшки» на «племянницу». Ситуация балансировала на грани абсурда.

Глеб Иванович, к его чести, сориентировался быстро, хо-

тя я видела, как у него дергается глаз. Он понял, что я ерничаю, но подыграть было единственным способом не выглядеть идиотом перед подчиненным.

— Алексей Петрович, — процедил Панфилов, стараясь не смотреть на меня. — Проследуйте ко мне в кабинет. И не берите в голову. Это... дочь моей дальней кухни. Ужасная особа, совершенно невоспитанная и, признаться, не очень приличная. К сожалению, семейные узы заставляют меня терпеть её выходки. Вам с ней лучше дружбы не водить — она испортит вам репутацию быстрее, чем вы закончите эту беседу. Ступайте, я сейчас буду.

Алексей, бросив на меня еще один взгляд — на этот раз полный недоумения и какого-то странного сочувствия, — начал подниматься. Как только он скрылся за поворотом, Панфилов спустился ко мне.

— Ты что творишь? — прошипел он. — «Дядюшка»? «Котов кормить»? Анна, ты в своем уме?

Лука в моей голове просто заходился в приступе хохота. — «Не очень приличная особа»! Слышала, Анна? Тебя только что официально признали падшей женщиной в глазах этого юнца. А Панфилов-то каков! Какая драма, какой накал! Пожалуй, он сегодня тебя переиграл, и я «снимаю шляпу»!

— Глеб Иванович, ну не сердитесь, — выдавила я сквозь улыбку. — Вы же сами сказали, что я должна быть здесь «кем-то». Вот я и выбрала роль бедной родственницы. Разве я не была убедительна?

— Ты была чересчур убедительна, — буркнул он, оглядываясь по сторонам. — Смейся-смейся. Только помни, что мы здесь не в бирюльки играем. И не вздумай больше заговаривать с Алексеем Петровичем.

— Ой, как мы заговорили, — Лука перестал смеяться и перешел на свой обычный ворчливый тон. — Да этот парень развалит им всю систему сыска. Кем он здесь? Водоносом? С его умением лить слезы, думаю, на большее он не способен!

— Зачем вы меня звали, Глеб Иванович? Записка была очень лаконичной.

Панфилов вздохнул и осмотрелся. Даже наклонился через перила, чтобы проверить — нет ли кого-то на лестнице этажом ниже и выше.

— Есть одно деликатное поручение. Нужно навестить одну старушку — вдову генерала Татищева. На нее посыпались жалобы от соседей. Говорят, из квартиры доносятся странные звуки, прислуга разбежалась, а сама она не выходит уже неделю. Но главное не это. Один из моих осведомителей клянется, что видел, как в её окна залетает... ну, ты понимаешь. Что-то этакое. Бесовщина, Анна. Но, судя по описанию, бес там несерьезный, мелкий. Только-только начал её к рукам прибирать. Нужно проверить, пока он не набрал силу. И еще... знаю, что тебе не нравится работать с помощниками, но ребята сидят без дела, а могли бы подстраховать...

«Ребята» эти были мне совершенно ни к чему, хоть и льстило, что имею подчиненных. Пятеро бравых мужчин с

почти незаметными задатками в области моего, куда более продвинутого дара. Расскажу о них позже, потому что в этот момент меня заинтересовала совсем другая история.

— Старушка? — Лука разочарованно протянул. — Серьезно? Анна, скажи ему, что бесам старушки нафиг не нужны. Там душа уже сухая, как вобла, никакого вкуса, одни молитвы да стенания по упущенным возможностям. Вот если бы молодую, сочную девицу с разбитым сердцем — это я понимаю. А тут... тьфу, пустая трата времени.

Панфилов, разумеется, его не слышал. Он продолжал: — Сходи туда, посмотри своим... вторым зрением. Если там мелочь — изгони. Если что-то серьезнее — дай знать.

В этот момент к нам подбежал молодой писарь, запыхавшийся и с пачкой бумаг в руках.

— Глеб Иванович! Простите, я ищу Алексея Петровича. Срочное донесение по его делу. Тому самому, о заболевших. Снова двое — молодая барышня из дворян и юноша из кадетского корпуса. Симптомы те же: апатия, бессонница, совсем перестали принимать пищу! Он просил сразу сообщать, как только придут результаты осмотра...

Панфилов резко прервал его:

— Он у меня в кабинете. Иди.

Писарь умчался по коридору, а я замерла. Странная болезнь? Неужто та самая, о которой она вчера пыталась найти хоть какую-то информацию?

— А что это у вас здесь такое происходит? — Шепотом

спросила я.

— Это не твоя забота. Это официальное следствие. Алексей Петрович им занимается, и он справится. А сейчас иди за мной, я напишу адрес старушки, — лицо ротмистра сделалось каменным.

Мы прошли в кабинет, где в кресле, рассматривая в окне облака, сидел Алексей. Я посмотрела на молодого мужчину уже совсем другими глазами. Теперь он стал мне куда более интересен!

Панфилов молча достал из стола листок, быстро набросал на нем адрес вдовы генерала и быстро прошагав обратно к двери, где я и осталась стоять, протянул мне.

— Вот, адрес еще одной твоей тетки. И передай ей, что я больше ни копейки не дам, пока она не приведет свои дела в порядок!

Я приняла листок, едва сдерживая улыбку.

Когда Панфилов отвернулся, чтобы повернуться к столу, я быстро глянула на Алексея, поймала его взгляд. В нем было столько вопросов, что мне на секунду стало его жаль. Но информация о «заболевших» занозой засела в моем мозгу. Я медленно подняла руку и сделала едва заметный жест, указывая в сторону городского парка, а затем поднесла пальцы к губам.

«Жду тебя там». — одними губами прошептала я.

Алексей едва заметно кивнул. Его лицо просветлело.

— Ой, дура... — занял Лука. — Какая же ты дура, Анна.

Зачем нам этот нытик? Ты посмотри на него — он же от одного моего чиха в обморок упадет. Ты себе цену не знаешь! Я тебе предлагал ключи от сейфов, предлагал шепнуть на ухо нужные цифры в игорном доме, завладеть сердцами таких мужчин, что любая продала бы за это душу... а ты... Ты выбираешь этого бледного офицерику, который своим нытьем замучит и тебя, и меня. Нам придется жилье менять, потому что он будет сидеть под дверью и вздыхать!

— Лука, замолчи, — мы спустились по лестнице и я решительно направилась к выходу. — Видишь, у меня свидание в парке. А ты говорил, мол я совсем никудышная соблазнительница!

— Свидание... — передразнил бес. — Ну-ну. Да он кроме матушкиных ладошек, может, и не целовал ничего! Нам нужен кто-то посерьезнее, повзрослее! Он же скучный! Анна, он катастрофически скучный! Скучню-ущий!

Я вышла на улицу. Ветер стал еще резче, но мне было уже не холодно. А еще, я поняла, что мне совершенно не хочется ставить на место Луку. Потому что, когда он несдержан, когда я не заставляю его замолкнуть, его речь превращается в звуковой фон, при котором вполне себе можно думать!

Глава 10

Я выбрала скамью в самом дальнем углу сада, там, где совершенно желтые уже ветви лип сплетались в причудливую сень, скрывая нас от любопытных глаз из окон жандармерии.

Мне нужно было время, чтобы переварить услышанное в управлении, и, что еще важнее, мне нужно было дожидаться Алексея Петровича так, чтобы «дядюшка» Глеб Иванович, поймав нас снова вместе, не испортил мою игру. Лука, усевшийся рядом, и раскинувший руки по спинке скамьи просто заходил в экстазе.

— О, посмотри, как он семенит! — завывал бес, и тут же, вполне профессионально поменял голос, которым он пытался передразнить офицера: — О, Анна, свет моих очей, я лечу к вам на крыльях своей неопытности, едва не теряя по дороге шпагу и остатки здравого смысла! Позвольте мне упасть в эту лужу у ваших ног, лишь бы вы соизволили взглянуть на мои начищенные сапоги!

Я едва сдерживала смех, прикрывая рот кончиком шелкового платка. Алексей действительно шел быстро, почти бежал, его шинель развевалась на ветру, а лицо выражало ту степень благородного смятения, которая так свойственна молодым людям, возомнившим себя героями романтических повестей.

— Анна! — он запыхался, когда наконец дошел до моей

скамьи, и замер, не решаясь сесть без приглашения. — Простите мне мою навязчивость... и еще раз прошу прощения за Глеба Ивановича.

Я милостиво кивнула на место рядом с собой.

— Присаживайтесь, Алексей Петрович. И не стоит извиняться за дядюшку. Он человек суровый, военная косточка. Видимо, сегодня он действительно встал не с той ноги... или его расстроил какой-нибудь особенно дерзкий отчет.

Алексей с облегчением опустился на скамью, стараясь не задеть меня полый шинели. Было еще не так уж и холодно, чтобы прибегать к верхней одежде. Во всяком случае, мне лично достаточно было шерстяного платья.

— Вы удивительно великодушны, — горячо произнес он. — Глеб Иванович... он предан делу, но иногда забывает о приличиях даже с близкими. Его слова о вашей... э-э... «неприличности»... Это было совершенно излишне. Я уверен, он просто хотел убереечь меня от вашего очарования, понимая, что против него у простого офицера нет шансов.

— О, как тонко зашел! — хмыкнул Лука. В этот момент он картинно приложил ладонь к груди и закатил глаза. — Ваше очарование, сударыня, подобно удару обухом по голове — так же внезапно и оставляет приятный звон в ушах. Анна, он же просто ходячий сборник комплиментов из дешевых журналов. Но посмотри, как он краснеет!

Я взглянула на Алексея и улыбнулась. На самом деле, мне было смешно именно из-за комментариев беса, но офицер

принял мою улыбку на свой счет.

— Вы часто улыбаетесь, когда молчите, — заметил он с каким-то благоговейным придыханием. — Кажется, в вашей голове роятся только самые добрые и светлые мысли. Это так редко встречается в Петербурге, где все только и думают, как бы выслужиться или не проиграться в карты.

— Светлые мысли? — Лука расхохотался так, что у меня в висках застучало. — Анна, скажи ему, что ты сейчас думаешь о том, как бы незаметно вытащить у него из кармана то письмо, не повредив его нежную психику. Или о том, что у него левый ус дрожит, как крыло мотылька, а правый вроде как вообще приклеен, — как хорошо, что только я видела, как Лука почти вплотную приблизил свое лицо к его, и рассматривал усики над губой офицера. — Ах, нет, это его собственный... Какая жалость, — Лука сел, сделав вид, что и правда, расстроился, но тут же вскочил и присев передо мной продолжил: — Слушай, а давай я предстану перед ним в образе ангелочка? Ну, знаешь, крылышки, арфа, пухлые щечки? Он же тогда окончательно решит, что ты — святая, и отдаст тебе не только сердце и тайны следствия, но и ключи от казенного сейфа.

Лука и вправду попытался состроить «ангельскую» мину — выпятил губы, сделал глаза огромными и невинными, что в его бесовском исполнении выглядело как пародия на херувима с тяжелым похмельем. Я кашлянула, возвращая себе серьезность.

— Алексей Петрович, вы мне льстите. Я всего лишь женщина, которая пытается найти свое место в этом огромном городе. Но скажите... вчера, когда мы столкнулись... вы были так расстроены. Это письмо, что вы держали в руках... Оно как-то связано с вашим дурным настроением?

Лицо Алексея мгновенно потускнело. Он опустил взгляд на свои перчатки, и я увидела, как его пальцы непроизвольно сжались. — Вы удивительно проникательны, Анна. Да, это письмо... Его передал мне мой старый друг. Мы вместе росли в одном имении. Его младшая сестра, Наденька... — он замолчал, подбирая слова. — Она написала это письмо за три дня до того, как... как слегла. Странная болезнь, врачи разводили руками, а потом полное истощение сил. И самое страшное, что теперь, когда я начал разбираться в делах управления, оказалось, что она не единственная. Барышни из хороших семей, молодые люди, полные жизни... они словно гаснут, как свечи на сквозняке.

Он вдруг осекся и испуганно посмотрел на меня.

— Простите... я не должен был... Это ведь тайна следствия. Я просто... я так виноват перед ней. Я не придавал значения ее первым жалобам, думал — девические фантазии, меланхолия...

— Не казни себя, мой маленький принц, — промурлыкал Лука. — Ты просто был занят, по всей видимости, какой-то лирикой? Анна, лови его на слове! Он сейчас в том состоянии, когда мужчине нужно выговориться на груди у пони-

мающей женщины, — бес бросил взгляд на мою грудь, и тяжело выдохнув, закончил: — но в этом платье у тебя нет ни малейшего намека на ее существование...

Я чуть подалась вперед, глядя на Алексея из-под ресниц, придавая своему взгляду смесь искреннего сочувствия и легкого, едва уловимого флирта.

— О боже, как это ужасно... — прошептала я. — Алексей Петрович, мне так жаль вашу знакомую. Вы знаете, я ведь тоже недавно переехала из...

— Из Москвы? — перебил он меня, подавшись навстречу. В его глазах вспыхнул азарт. — Вы ведь из Москвы, правда? Я чувствую в вас что-то, что так отличает от присущей Петербургу чопорности. Я и сам перебрался сюда всего пару недель назад. Специально ради этого дела. Отец был категорически против, он прочил мне место в Гвардии, спокойную службу, балы... Но я поставил условие. Я сказал: «Батюшка, если я не разберусь, что происходит с этими несчастными детьми, я не смогу спокойно носить этот мундир».

— О, нарцисс detected! — радостно объявил Лука. — Обрати внимание, Анна: он перебил тебя на полуслове, чтобы рассказать о своем героическом противостоянии с папенькой. Какая драма! Какой пафос! «Батюшка, я пойду в жандармы, там форма красивее и тайны мрачнее». Он же влюблен в свой образ борца за справедливость больше, чем в саму справедливость. Ты для него сейчас — идеальный слушатель, прекрасная декорация для его сольного спектакля.

Алексей продолжал:

— Меня ждала куда более высокая должность в Москве, но я выбрал этот сырой город и бесконечные отчеты. И знаете что? Я не жалею. Особенно теперь, когда встретил вас.

— Ну всё, тушите свет, сливайте масло, — простонал бес. — Теперь он начнет рассказывать, как его никто не понимает. Анна, прерви этот поток самолюбования, пока мы не утонули в его тщеславии. Предложи ему поесть. Мужчины всегда становятся менее утомительными, когда у них рот занят котлетой. Я улыбнулась своей самой загадочной улыбкой.

— Знаете, Алексей Петрович, подобные истории меня всегда... интриговали. Не поймите превратно, я вовсе не болтлива, у меня здесь и подруг-то нет, я живу довольно уединенно. Но мне кажется, что в этом деле есть нечто большее, чем просто болезнь. Я бы с радостью выслушала подробности... возможно, свежий взгляд со стороны поможет вам? Мы могли бы зайти в какое-нибудь приличное заведение неподалеку... выпить кофе или пообедать. Алексей просиял так, будто я предложила ему орден Святого... ну, какого-нибудь святого.

— Это было бы... это было бы просто чудесно! — он вскочил, предлагая мне руку. — Здесь за углом есть отличный ресторан, там подают лучший кофе в округе. Позвольте мне угостить вас! Когда мы шли по направлению к ресторану, Лука, который, видимо, уже успел «просканировать» карманы нашего спутника, ехидно заметил:

— Ты только не разгоняйся с заказом, Аня. У нашего героя в кошельке ровно десять рублей. И, судя по тому, как он прижимает локоть к боку, это его последние деньги до следующего жалованья. Если ты закажешь осетрину и бутылку шампанского, ему придется остаток месяца грызть собственные шпоры.

Мы вошли в теплое, пахнущее жареным кофе и свежей выпечкой помещение. Официант в белоснежном фартуке склонился перед нами в поклоне. Алексей с видом знатока окинул зал взглядом, хотя я видела, как он тайком нащупывает кошелек в кармане.

— Заказывайте всё, что пожелаете, Анна, — произнес он с рыцарской щедростью, хотя голос его чуть дрогнул.

— Благодарю вас, Алексей Петрович, — я присела за небольшой столик у окна. — Но я буду только кофе. И знаете... я настаиваю на том, что за себя заплачу сама. Сейчас так принято среди... э-э... прогрессивных дам. Я не хочу обременять вас.

Алексей замер с открытым ртом. Он смотрел на меня так, будто я только что призналась, что умею летать на метле.

— Вы... вы сами? Но это... это совершенно немыслимо! Я слышал о таких женщинах, читал в либеральных газетах о «новых людях», но, чтобы встретить такую даму вживую... Это... это вызывает истинное уважение, Анна Петровна. Вы не перестаете меня удивлять.

— О, он в восторге! — Лука развалился на стуле, как в

шезлонге, и делал вид, что смотрит великолепную постановку, попивая воображаемый коктейль. — Смотри, как у него челюсть отвисла. Он теперь думает, что ты — эмансипированная героиня романа. Если бы он знал, дорогая моя, кто ты на самом деле... Если бы он знал, что за твоим плечом сидит древняя сущность, которая видела, как строились пирамиды и как рушились империи... Брось его очаровывать! Он слишком очарован собой! Твоему платью цвета меланхолии нет места в его сердце! Пей свой кофе и выживай из этого влюбленного павлина всё, что он знает о «заболевших».

Я сделала глоток обжигающего кофе и посмотрела на Алексея, который, кажется, окончательно потерял голову от моей «необыкновенности».

— Итак, Алексей Петрович... расскажите мне про Наденьку. С чего всё началось?

Глава 11

— Анна, я... я бы с радостью провел с вами ещё немного времени, но меня действительно ждут. Глеб Иванович, полагаю, уже недоволен моей задержкой. — Мой новый знакомый поднялся из-за стола, оправил мундир. — Я прошу вас, не принимайте близко к сердцу всё, что он мог сказать раньше. Он человек прямой, но... не злой. И он очень гордится вами, поверьте. Просто не любит показывать этого.

— Ну, что вы, Алексей Петрович, — я махнула рукой. — Я себя знаю куда лучше, чем кто-либо со стороны. Не переживайте.

— Я... я пошел. До свидания, Анна. Надеюсь, до скорой встречи? Вот здесь мой адрес. Полагаю, вы пока не хотите открывать вашего, но я буду ждать весточки, — он протянул мне бумажку, которую, вероятно, заполнил красивым, ровным, каллиграфическим почерком еще в кабинете Панфилова.

Он выглядел таким милым и неловким в своем смущении, что мне даже стало немного жаль.

— До свидания, Алексей Петрович, — я кивнула.

Он поспешно развернулся и зашагал прочь, но, сделав пару шагов, обернулся и еще раз мне поклонился, прежде чем выйти из ресторана.

— Ну вот, — ехидно промурлыкал Лука, — и весь роман.

Даже на чай не оставил, не говоря уж о каких-то более существенных поступках. Хорошо, хоть еду не заказал! А ты-то, я смотрю, уже размышляла о молодом офицере, поцелуях под луной и прочей любовной дряни, от которой у меня зубы сводит. Согласен, экземпляр великолепный, но только обертка. Если у тебя есть желание любить красивую пустоту, дерзай, но ты представлялась мне натурой полной, и даже богатой внутренне...

— Да ничего я не размышляла! — я фыркнула. — И вообще, тебе бы только о еде думать.

— А что тут думать, — ответил Лука, и я заметила, как по моей тарелке с только что принесенным официантом бифштексом скользнула вилка. Кусочек мяса исчез.

Я перехватила вилку и поковыряла ею в тарелке, стараясь придать более-менее приличный вид процессу исчезновения мяса.

— Теперь еду тебе будем брать на вынос.

— Фу! — Лука скривился. — Есть на ходу, как какой-то лавочник. Что за пошлость? Ресторация — это особое место. Здесь и аппетит иной, и вкус острее.

— Твой аппетит всегда прекрасный, — напомнила я, — ты и на помойке лакомиться готов, если допрежь этого недельку поголодаешь.

— Неделку голода, Анна, ты забываешь, что для меня это вечность, — обиженно протянул бес, проглатывая остатки огромного куска. — Но не будем отвлекаться, твоя старушка

ждёт.

Я взяла экипаж и назвала адрес, указанный Панфиловым. Поездка заняла чуть больше часа, но в карете мы хотя бы могли говорить без опасения быть подслушанными. Лука, не уставая, пересказывал эпизоды своей вечной жизни, то и дело сбиваясь на рассказы о каких-то диковинных яствах, которые ему доводилось пробовать. — А ещё, Анна, вы только представьте, однажды в Вавилоне... — начал он, но я его перебила.

— Лука, сосредоточься. Мне нужна твоя помощь. Как ты чувствуешь след беса?

— След беса, Анна, это не след лошади, — насмешливо протянул он. — Его не видно на росе и не почувствовать ноздрями. Но я чувствую все же. Это стоит, конечно же усилий, и, разумеется, потребует компенсации...

Я мысленно пожалела о вопросе, но боялась озвучить тайну о своем страхе, что когда-то, как в случае с ним в первый раз, просто не почувствую опасность заранее, и пообещала ему ещё один бифштекс.

Наконец, экипаж остановился у добротного дома, окруженного кованой оградой. Адрес соответствовал. Дом выглядел респектабельно, даже роскошно. Я вышла из кареты, осматриваясь. Во дворе цвели поздние осенние астры, а на окнах виднелись кружевные занавески, сквозь которые пробивался свет уютного внутреннего убранства. Нас встретила пожилая служанка в накрахмаленном чепце. Я предста-

вилаась:

— Анна Добро... Доброходова, из Общества защиты брошенных детей.

— Проходите, барышня, — служанка провела нас в гостиную. Гостиная поразила меня. Это был не дом сумасшедшей старухи, одержимой демонами.

Это была обитель образцовой русской интеллигенции прошлого века. Тяжелые портьеры, натертый до блеска паркет, фортепиано в углу, на стенах — в золоченых рамах фотокарточки: румяные карапузы с бантиками, юные барышни с мечтательно приподнятыми бровями, brave офицеры с Георгиевскими крестами.

Целая галерея счастливой семьи, казалось бы. И посреди всего этого великолепия, в глубоком кресле с высокой спинкой, сидела она. Вдова генерала. Аккуратная седая причёска, тонкие пальцы с обручальным кольцом, лежащие на книге в кожаном переплете. Она была одета в строгое, но изящное платье из темного бархата, а на ее груди лежала камея.

— Не откажетесь ли вы от чаю, милая барышня? — она улыбнулась. Её улыбка была ледяной, но совершенной. — Дорога, должно быть, утомила вас.

Я согласилась, чувствуя, как вдруг накатывает странная усталость. Служанка принесла чай в тончайшей фарфоровой чашке. От чая исходил тонкий, непривычный аромат. Я сделала глоток, затем ещё один. Тепло растеклось по телу, и я почувствовала, как мышцы расслабляются.

— Я слушаю вас, сударыня, — видимо, дав мне время, чтобы согреться напитком, начала она, а её голос был не постарчески тверд, без малейшей дрожи. — Какое дело могло привести Общество защиты детей в мой скромный дом?

Я начала свою заготовленную речь про беспризорных сирот, про то, как важно им обрести семью, про то, какие благородные люди посвящают себя этому делу. Вдова генерала слушала меня внимательно, не перебивая, только едва заметно кивая головой. Но я не видела в её глазах ни капли сочувствия, ни тени эмпатии.

Она была словно статуя – красивая, безупречная, но равнодушная. Её взгляд скользил по мне, оценивая, словно я была предметом антиквариата, а не человеком.

— Ваша речь весьма трогательна, сударыня, — наконец произнесла она. — Но, боюсь, я ничем не могу помочь вашему Обществу. Да и слышу о нем впервые. Мои собственные дети и внуки вполне благополучны, и я не вижу причин тревожиться о чужих.

Я почувствовала, как между словами Луки в моей голове промелькнуло: «Анна, она лжёт. В этом доме что-то не так». Но я не успела отреагировать.

Голова начинала кружиться, как после долгой поездке на карусели. Образы в гостиной расплылись. Фотографии на стенах, казалось, зашевелились, ухмыляющиеся лица детей выглядели вдруг зловеще.

«Чай...» — последняя мысль успела промелькнуть в голо-

ве, прежде чем реальность посыпалась на кусочки. Я почувствовала, как тяжёлая, как чужая, рука тянется к моей руке, а потом — темнота. И в этой темноте я слышала только настойчивый, отчаянный голос Луки, который кричал, пробиваясь сквозь пелену надвигающейся беспамятства:

— Анна! Не смей! Не смей сдаваться! Ты не слаба! Слушай меня и не теряйся в темноте. Последнее, что я помнила, это слова Луки и ощущение падения, долгого, бездонного падения в бездну, где не было ни света, ни звуков.

Я пришла в себя от глухого, ноющего ощущения в запястьях и лодыжках. Открыв глаза, я увидела абсолютную темноту. Пахло деревом, пылью и чем-то затхлым. Сырость, холод. Я попыталась пошевелиться, но грубые веревки больно впились в кожу.

И только полностью придя в сознание, услышала над собой мелодичное, но жуткое насвистывание, словно кто-то играл на флейте мелодию, от которой по коже бежал мороз.

— Лука? — мой голос прозвучал едва слышно, осипшим шепотом. — Заткнись! — рявкнула я. Свист оборвался. Тишина была еще более зловещей. — Где мы? Что произошло? — я попыталась напрячь память, но воспоминания возвращались обрывками: вдова генерала, чай, Лука, его слова...

— Бабка. Одурманила тебя своим чаем. — Голос Луки был непривычно серьёзен, в нем не было ни капли привычного ехидства. — Ты отключилась. Затем она... связала тебя и запихнула сюда.

— Сюда? Куда это?

— Шкаф. Большой, деревянный шкаф. — В его голосе зазвучала нотка омерзения. — И, судя по запахам, мы здесь не первые. Очень много энергии страха. Она словно въелась в эти доски.

Я попыталась вдохнуть поглубже, но поймала только нотки той самой вони. И почему я ее не услышала по приходу сюда?

— Я... я хочу в туалет, — пробормотала я, чувствуя, как кровь приливает к лицу.

— О, а вот это уже вопрос деликатный, — в голосе Луки снова зазвенело его обычное ехидство. — Могу выйти. Если тебе, конечно, не стыдно.

— Не смей теряться ни на секунду! — я резко дернулась, но веревки не поддались. — Под себя я ходить не собираюсь!

— Ну, тогда терпи, моя принцесса. Потому что отсюда мы скоро не выберемся. По крайней мере, сегодня. — Он вздохнул, и это был самый человеческий вздох, который я когда-либо слышала от него. — Эта бабка... не так проста. И бес у неё... сильный. Вернее, не у нее, а она! Она сама – бес. Мы бы всё равно не справились... Без узды...

Последнее он произнес так тихо, почти шепотом, что я едва его расслышала. Но оно зацепило меня.

— Какой ещё узды? — переспросила я. Лука молчал. Долго. Казалось, прошла целая вечность. Я чувствовала, как внутри него что-то происходит, словно он взвешивал слова,

обдумывал, стоит ли говорить.

А я просто ждала. В темноте, связанная, я ждала его ответа, потому что понимала: от него зависит очень многое. Возможно, всё.

Глава 12

Темнота внутри шкафа была настолько плотной, что казалось, её можно резать ножом. Прошло, наверное, минут пятнадцать. Я считала удары собственного сердца, пытаюсь подавить нарастающую панику. Мочевой пузырь мой - хорошо тренированная мышца, потому что работу свою я любила, и терять время на его прихоти не могла.

— Лука, — прошептала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Ты собираешься что-то делать или мы будем ждать, пока я окончательно превращусь в предмет мебели?

Бес молчал. Это было на него не похоже. Обычно он затыкался только в двух случаях: когда набивал утробу или когда замышлял очередную пакость. Но сейчас тишина была иной — тяжелой, раздумчивой. Я чувствовала его присутствие где-то на периферии сознания, он словно свернулся клубком, переваривая ситуацию.

Когда моё терпение уже готово было лопнуть, и я открыла рот, чтобы выдать всё, что думаю о его полезности, он подал голос. И этот голос заставил меня похолодеть. В нём не было привычного ёрничанья и сарказма. Он звучал сухо, низко и пугающе серьезно.

— Анна, — произнес он, и я поняла, что сейчас случится разговор, который бывает раз в жизни. — Давай заключим сделку. Я, хоть и считаюсь личным бесом твоей семьи, знаю

о Лиходеевых гораздо больше, чем все вы, вместе взятые, за последние три поколения.

Я замерла. Внутри всё напряглось.

— Что за сделка? — спросила я, стараясь подражать его ледяному тону.

— Я готов рассказать тебе об одной семейной реликвии. Старая штука, её давно спрятали, потому что некому было пользоваться. Дар у семьи уж больно истончился. Она называется «Узда Асмодея». С ней ты сможешь ловить бесов покрупнее этой вдовушки. Эта старушенция... она не просто одержима, Анна. То, что она из себя представляет, на порядок выше меня по иерархии. Если бы у тебя была Узда, ты бы учуяла её еще на пороге, и не пила бы этот чертов чай.

Волна гнева захлестнула меня. «Ах ты дрянь такая!» — едва не закричала я, но вовремя прикусила язык, вспомнив, где нахожусь.

— То есть ты знал? Ты знал, что это за вещь, знал, как она работает, и молчал? Мы сидим в этом вонючем шкафу только потому, что ты решил поиграть в тайны? Да я бы тебя... если бы я могла до тебя дотянуться, я бы тебя по молекулам разобрала! — Я дернулась, веревки больно впились в запястья. Но потом холодный рассудок взял верх. Это я оказалась в таком положении. Это я доверилась внешнему благополучию генеральской вдовы. — Не забывай, — прошипела я, — что, если мы не выберемся, ты просидишь остатки веков в этом шкафу. Твоя энергия иссякнет без подпит-

ки. А когда на этом месте возведут каменные стены — а их возведут, вот тебе крест, Петербург перестраивается каждое десятилетие — ты окажешься вмурован в них заживо. Будешь вечным пленником фундамента. Тебе это нравится? И еще... в самом начале нашего с тобой знакомства ты обещал мне артефакт! — вспомнила вдруг я наш уговор у стен дома, где жили мои предки.

Лука помолчал, я прямо чувствовала, как он взвешивает мои слова на своих невидимых весах.

— Я подумаю над твоим предложением про фундамент, — наконец ответил он, и в его голос вернулась крохотная толика привычного сарказма. — Но не забывай, дорогая, что наш доблестный Панфилов ждет тебя. Если ты не вернешься к вечеру, он поднимет на ноги всё управление. И он придет сюда. Только вот беда — он не сам пойдет по квартирам. Он отправит кого-то вроде этой... как её... Бесовой. Если она обнаружит меня в этом шкафу, — продолжал Лука, — она не станет разбираться, чьих я буду, чей род охраняю и какие у нас с тобой высокие отношения. Она отправит меня на тот свет по прописке в ту же секунду. И сделает это очень болезненно. Так что я спокоен только потому, что знаю точно — сюда придут. Но сделка... сделка — это другое.

Я поняла, что он прав. Он не боится шкафа, он боится моих «коллег» из надзора. Но его сделка — отдельная тема, на которую он готов говорить только сейчас. Я, конечно, могла поставить условие: тайна про артефакт, или его жизнь, но

сейчас сама была заинтересована в целостности и сохранности этого беса. И уверена, он это тоже понимал.

— Хорошо, — выдохнула я. — Как только я услышу голоса помощи, как только пойму, что мы спасены, я позволю тебе удалиться на десять километров. Гуляй, дыши, ешь что хочешь, я не буду тебя призывать. Но сначала — Узда.

— Нет, Анна, — отрезал он. — Сделка совершается сейчас. И свою часть ты выполнишь сразу, здесь, в этой темноте.

— И что ты хочешь взамен за информацию об артефакте? Золото? Душу? — я горько усмехнулась.

— Мне не нужны твои побрякушки и твоя душа, которая и так наполовину принадлежит не тебе, — Лука сделал паузу. — Я хочу знать твою историю. Всю. Кто ты на самом деле? И какое отношение ты имеешь к роду Лиходеевых? Я чувствую, что ты... другая. Ты пахнешь не так, как те, кто был до тебя. В тебе есть стержень, который не выковать в этой реальности. Да и нет у этой семьи незаконнорожденных! Расскажи мне, откуда ты пришла, Анюта.

Сердце пропустило удар. Он знал. Или догадывался. Рассказать правду о будущем, о моей службе, о том, как я оказалась здесь? Это было запрещено всеми мыслимыми законами. Но «Узда Асмодея»... инструмент, позволяющий работать в одиночку, не оглядываясь на Панфилова и не боясь таких вот «вдовушек»... Это было слишком заманчиво.

— Узда позволит мне... подчинять их? — спросила я, надеясь выиграть время.

— Она позволит тебе их видеть, ловить и удерживать. Это как поводок для таких, как я, только гораздо жестче. С ней ты станешь истинной хозяйкой положения. Но цена — твоя искренность. Здесь нет никого, кроме нас. Шкаф надежно хранит секреты. Рассказывай. Кто ты?

Я закрыла глаза, вдыхая пыльный воздух. Интересно, сколько сейчас времени? Глеб Иванович наверняка уже поглядывает на часы.

— Ладно, — прошептала я. — Слушай. Но если ты хоть слово... Приказываю ни слова не говорить другим о том, что услышишь сейчас, — вспомнив, что власть у меня какая-никакая перед ним имеется, с пафосов сказала я.

— Клянусь пеплом своих предков, Анна. Рассказывай. Да и кому? Кроме тебя, меня, считай, никто не видит и не слышит!

И я начала...

Рассказ о двадцать первом веке Лука слушал, боясь вдохнуть.

— Выросла я, Лукаша, можно сказать, у Христа за пазухой. Мать моя — певичка, не добившаяся практически ничего, удачно вышла замуж за Льва Бравицкого — моего, значит, папеньку. А папенька мой — знаменитый патологоанатом вся Москвы.

— Значит, ты людишек потрошила?

— Исключительно благодаря его настойчивости и умению убеждать. Чаще всего, с помощью угрозы. Так и стала в свои

двадцать один его помощницей, а потом, как закончила университет, заняла его место. Но моя бабушка – мама отца, тоже была слегка помешанной и чудила, как могла.

— Роспись стен фекалиями? — хохотнул время от времени позволяющий себе шуточки ниже пояса, бес.

— Поговори мне тут, беженец из ада, поговори. Глазом моргнуть не успеешь, окажешься в отделении обслуживания котлов с горящим маслом. — Ответила я спокойно. Как бы сейчас хотелось вынуть из сумки фляжку с коньяком и сделать большой глоток. — Бабка считала себя наследницей знатного рода, и скупала всю мало-мало принадлежащую девятнадцатому веку фарфоровую посуду, скатерти, столовое серебро. Говорила она со мной исключительно о высоком...

— Так вот откуда твое умение изъясняться витиевато? В первое время думал, что ты графинька, не меньше.

— Да, и мне жизнь с ней представлялась игрой, в которой можно было не разговаривать, как с отцом, о внутренностях очередного жмурика, а погрузиться во времена балов, полупрозрачной посуды и бесед высоким штилем.

— А силы эти свои... ну, умение бесов чуют?

— Думала, что после прохождения через время, а сейчас понимаю, что и раньше чувствовала бесовское вмешательство: то привезут бабульку, а при ней внучек, такой, знаешь, ангелоподобный, хоть картины пиши, а рядом с ним стоять тошно – мертвечиной несёт, как от тебя вот сейчас...

— Ну, не преувеличивай, дорогая... я, знаешь ли, моюсь

по три раза на дню, а то, что пованивает, это моя аура...

— Ты послушать историю хотел, или таким вот образом перейти, как обычно, на обсуждение твоей «скромной» персоны?

— И обаятельной...

— Чего-о?

— Ну, моей скромной и обаятельной персоны, — бес не шутил, когда говорил себе комплименты, поскольку, именно таким он себя и считал. Но мое настроение портить не хотел — знал, чем ему это грозит, — Продолжай, госпожа, продолжай...

— Ух, змеюка ты, Лука!. И как только в тебе уживается нарциссизм и подхалимаж? Страдаешь, наверное, адски... Ну, значит, несёт от этих, одержимых, хуже, чем из уличного сортира на автостанции. Бесов-то я тогда не видела. Вот умение видеть, при переходе, наверное, уже приобрела.

— А переход? Как ты его нашла? Ну, не знал бы тебя, не поверил бы ни за что: машины в небе, телеграф без столбов, мясо из бобов...

— Надоело всё, Лука, горше редьки надоело. И работа нелюбимая, и отец, к этому времени ставший совершенным деспотом. Старым, поскольку женился на матери, и меня родили уже за пятьдесят годков, злым, привередливым и словоохочим на унижения в мою сторону.

— Унижения? — Лука сощурил левый глаз.

— Ага, любимая его фраза: «Никогда ты не добьешься»

моих высот, лентяйка, никогда!»». Матушка моя оказалась не больно сердобольной, и как только я поступила в университет, уехала в Италию, ибо жить с ним стало невозможно — ненавидел всех: от воробьев, засравших подоконник до квартиросъемщиков в соседнем подъезде.

— Значит, ты решила просто поехать куда глаза глядят? — бес переспрашивал это уже третий раз, поскольку до этого момента я уже доходила, но детали, интересующие его, не позволяли продолжить рассказ.

— Нашла в почтовом ящике рекламный буклет, и поняла, что должна ехать. Никогда не знала раньше такого чувства тоски и какой-то... — я замолчала, вспоминая ту пустоту внутри, обретшую в тот самый момент границы внутри моей души. — Какое-то ощущение необходимости, понимаешь? — я глянула на Луку.

В темноте вдруг я увидела очертания его лица. Не знаю, или глаза привыкли, или он умел вот так вот показаться хозяйке даже в полном мраке.

Тот пристально рассматривал мое лицо, и его кошачьи глаза, желтизной своей, будто пытались проникнуть в мой разум. Я моргнула, и собеседник отвел взгляд.

Глава 13

На какое-то время я зажмурилась, чтобы снова посмотреть на Луку, и понять – увижу ли его опять вот так – как в прибор ночного видения. Открыла глаза. Бес сидел передо мной в прежней позе – сложив ноги под собой. Руки его упирались в колени. Он молча наблюдал за мной.

— И? Петроглифы, говоришь? Что-то я о них знаю, Анна Львовна, но не помню, что именно, — бес даже глаза прикрыл, будто пытаюсь считать информацию откуда-то с изнанки черепа.

— Да, поехала в Карелию, на Онежское озеро. С первым попавшимся туроператором. А когда на месте оказалась, почувствовала внутри тишину. Впервые, Лука! Впервые сама с собой в мыслях не спорила, ничего не обсуждала. Пустота и тишина... и сосны шумят как-то...как-то особенно мирно, что ли... А когда к камню прикоснулась, лечь на него захотелось.

— Легла? – бес аж шепотом заговорил.

— Присела на землю, а к нему спиной прижалась. И заснула, кажется. А проснулась – вокруг ночь и тишина. Филин только один ухает...

— А может это сова ухала?

— Может, но это не важно.

— Еще как важно, Анюта! Филин это...

— Рот закрой, а то я рассказывать брошу, орнитолог мамкин!

— Почему это мамкин? — бес похоже, даже обиделся такому сравнению.

— В общем, детали, пожалуй, опущу, иначе, неделю еще придется рассказывать. Говорю с тобой только потому, что узда твоя нужна как воздух. А долги я отдаю! Монахи меня там ждали. А я голая...

— Прям целиком? Вся? — Лука аж присвистнул и встал на ноги.

— Сядь, дурак. Мне тебя там не видно. Шею выверну. И так не ворочается уже. Конечно вся! Мне потом объяснили, что одежда не может во времени переместиться — только живой организм. И с этими монахами я пришла ночью в монастырь.

— Голая? С монахами? — бес не только не сел, но и принялся суетно мельтешить, местами пропадая, но я видела колебания воздуха, похожие на пары от бензина, и всегда знала, где он находится.

— Сядь, а то ты когда активизируешься, воняешь еще сильнее. Ся-адь! — приказала я и он вернулся в прежнюю позу. — Как долго я была в монастыре, и чему меня там учили рассказать не могу, но видела я вашего брата достаточно, и одержимых вами тоже видела. Ну, ты и сам прекрасно знаешь, что от меня бесу не скрыться.

— Знаю, Анна Львовна, а как же, я ведь вам потому и

доверился...

— Потому что или стать моим помощником, или вернуться на малую Родину тебе светило, поближе к адскому пламени, а ты не больно работать любишь, так ведь?

— Ну, вы не особо меня унижайте, знаете, — бес надулся и отвернулся, — я ведь тоже честь имею и...

— Хвост ты имеешь, да. А вот честь — это не про нас с тобой, слушай дальше. А будешь дуться, закрою разговор. Да, и осталось-то того рассказа, на пару минут. В общем, сначала мне попытались дать учителей этикета, письменности, но, когда эти две премудрые женщины увидели, что я и без них обхожусь, частично отстали. Единственное, танцам обучили на кой-то черт...

— Не поминай отца моего...

— Рот закрой, и не перебивай, а то я тебе с ним встречу обеспечу. Экстренную. И последнюю... перед твоей смертью, — прервала я очередное словоблудие беса. — На чем я там остановилась? А! после обучения меня привезли на... не важно, в общем... Так я стали подданной Российской империи, — этими словами хотела я закончить уже разговор, но Лука, все еще, кажется, обдумывающий слова «голая с монахами», цокнул языком.

— А про Победоносцева не хотите рассказать? Обер-прокурор Святейшего синода Константин Петрович Победоносцев... — Лука встал, заложил руки за спину, и принялся с видом университетского преподавателя расхаживать по

шкафу. — Вы ведь все его протеже? Он начальник службы, в которой вы работаете? Он? Ви-ижу, как глаза у вас поззелели, значит я в точку попал. Слышал, он, с самим государем эту вашу службу планировал...

— Закрой рот и сядь. И вот эти имена, которые сейчас озвучил, не произноси больше, а лучше и вовсе забудь. Ирина Петровна, коли узнает, что ты в курсе тайной информации, даже разговаривать со мной не станет, — прошипела я, чувствуя, как внутри разгорается огонь: откуда этот недоумок узнал о тайне, и чем это грозит лично мне?

Константин Петрович Победоносцев – единственный, кто владеет полной информацией о нас – Невских стражницах, призванных из будущего, и странным образом оказавшихся женщинами. Все до одной!

Кроме меня в этой организации еще четверо, и увидела впервые каждую из них я только на присяге, после обучения в монастыре. Охарактеризовать их в тот момент я не пыталась даже, поскольку, несмотря на то что все были разными, я думала только об одном – возможности вернуться назад.

Наверное, я была единственной, кто так тяжело переживал эти перемены. Жить там, где нет хороших собеседников, коим в моей прошлой жизни являлся друг – бармен, жить там, где ты видишь на улице не только людей, но и бесов, плетущихся следом, а то и сидящих на шее, и все туже, туже заматывающих на этих шеях удавку из навязываемых грехов, я не желала.

— Удивительно, — наконец выдохнул он. — Значит, ты — гостя из будущего. Это объясняет твою странную манеру общения и то, почему ты так легко манипулируешь многими.

— Твоя очередь, — напомнила я. — Где Узда?

— Она в одном укромном месте, — тихо ответил Лука.
— В одном из тайников. Правда, тебе придется покопать немного... пару метров в глубину... Но, чтобы её достать, тебе придется очень сильно постараться. Я расскажу подробности, когда мы выйдем. Думаю, сейчас самое время приказать мне удалиться подальше от этого дома, да и вообще, от Петербурга, — абрис беса колыхнулся и пропал в темноте.

В этот момент где-то в глубине квартиры раздался грохот выбиваемой двери и резкий, командный голос:

— Именем императора! Обыскать здесь всё! Каждую щель!

Я узнала этот голос. Панфилов.

— Приказываю покинуть пределы Петербурга, Лука! И вернуться, как только я окажусь в своей квартире одна! — быстро приказала я.

— Благодарствую, — выдохнул бес, и я почувствовала, как его энергия начала отдаляться, готовясь к рывку.

Дверцы шкафа распахнулись, и свет ударил мне в глаза. На пороге стоял Глеб Иванович, его лицо было бледным от ярости и беспокойства.

— Анна Львовна! — он бросился ко мне, выхватывая нож, чтобы перерезать веревки. — Жива... Слава Богу. Я же

говорил братъ с собой помощников!

Я хотела ответить, но язык едва ворочался от жажды. Я только посмотрела в угол комнаты, где на стене всё так же висели фотографии милых карапузов, и увидела, как вдова мелькнула в коридоре, уводимая Бесовой.

— От этих помощников пользы – ноль в квадрате! Только и могут, мышей дрессировать. Просто... отвезите меня домой. Но сначала, в туалет, умоляю!

Лука уже был далеко, я чувствовала лишь слабый его след. А еще, я хотела скорее встретиться с ним без связанных рук. Обязательно прикажу материализоваться и отхлещу полотенцем его слишком уж довольную, хитрую и любопытную до безобразия морду.

По дороге домой, сидя в карете с ротмистром, я вспоминала девушек, ставших стражницами, как и я. Бесова была одной из них.

Глава 14

Колеса кареты мерно постукивали по булыжной мостовой, и этот ритмичный звук, обычно усыпляющий, сейчас отдавался тревогой в моей груди. Хотелось срочно оказаться дома, помыться после пребывания в чреве этого чертового шкафа и улечься на свою дорогущую перину, купленную чуть ли не за половину месячного содержания.

Панфилов сидел напротив. Я видела, как он несколько раз глубоко вздыхал, собираясь что-то сказать, как шевелились его усы, предваряя очередной вопрос или нравоучение. Но стоило ему приоткрыть рот, как я, не глядя на него, резко подняла руку. Ладонь замерла в воздухе коротким, рубящим жестом.

— Не надо, — выдохнула я, глядя в окно на проплывающие мимо серые фасады домов, тонущие в вечерних сумерках. — Помолчите, ротмистр. Просто... дайте мне доехать в тишине.

Он замер, обиженно засопел, но уступил. В карете воцарилась тяжелая, липкая тишина, нарушаемая лишь скрипом рессор. Я прислонилась лбом к холодному стеклу. Ритм движения кареты начал играть со мной злую шутку, проваливая память в прошлое.

Закрывая глаза, я видела не темные улицы Петербурга, а тот самый день, когда такая же карета — только более ка-

зенная, строгая — везла меня к высокому, величественному зданию Синода. Помню, как меня поразили контраст: снаружи — строгое административное здание, символ государственной мощи, а внутри — храм. Меня вели длинными коридорами, где эхо наших шагов казалось слишком громким, почти кошунственным.

Когда тяжелые дубовые двери распахнулись, я замерла. Это был не просто зал для собраний. Высокие своды, лики святых, глядящие со стен с суровым осуждением, и тяжелые паникадила, чьи свечи едва разгоняли густой, почти осязаемый полумрак. Нас рассадили странно. Не кучно, как обычно сидят, а на большом расстоянии друг от друга. Мы переглядывались в этой полутьме — украдкой, короткими, пугливыми взглядами. Мы ждали присяги.

Это слово тогда казалось мне слишком тяжелым, военным. Но это была именно она — клятва, которая должна была навсегда связать наши судьбы со службой, о которой мы имели лишь смутное представление.

Девушки были похоже одеты, да и шляпки, прикрывая лица, заставляли думать, что все они на одно лицо. В отличие от меня, которая еще в карете сорвала и отбросила на сиденье дурацкий головной убор — ту самую «фиговину», которая мешала дышать и колола лоб.

Я сидела тогда на своей скамье, чувствуя себя самозванкой. Мои ладони потели, а в голове набатом стучало: «Зачем я здесь? Что я здесь делаю?». Мы все были там как на закла-

нии, выбранные по каким-то тайным критериям, о которых нам не потрудились сообщить. В том полумраке Синодального храма я впервые почувствовала, что за нашими спинами стоят тени.

Карета подпрыгнула на выбоине, и я больно ударилась плечом о стенку. Видение рассыпалось. Я снова была здесь, рядом с сопящим Панфиловым.

— Анна Львовна, вы побледнели, — не выдержал мой начальник, который, я была уверена, всю дорогу станет меня отчитывать и в хвост, и в гриву. Его голос был полон искренней тревоги. — Может, велим остановиться у аптеки? Я заставлю открыть, провизор живет этажом выше... Нашатыря? Или воды?

Я медленно повернула к нему голову. Его лицо, доброе и немного нелепое в этом тусклом свете, вернуло меня в реальность.

— Нет, — я постаралась, чтобы голос звучал твердо. — Просто воспоминания. Знаете, Глеб Иваныч, мне кажется, я не справлюсь с чем-то серьезным. Думаю, мое призвание сюда было ошибкой.

Панфилов нахмурился, не совсем понимая, о чем я, но сочувственно кивнул.

— Это только кажется, Анна... Анечка. Ведь остальные стражницы тоже были не совсем удачливы сразу... А ваше прошлое, оно как незаживающая рана, тянет назад, — философски заметил он. — Но сейчас вы дома. Возврата нет...

Ой, и правда дома. Почти приехали. Позвольте мне проводить вас до дверей, — он, как всегда, стараясь преподнести беседу максимально глубоко и философски, путался в понятиях, а потом, и вовсе, терял нить беседы. А сейчас, похоже, был рад, что меня можно высадить.

Пока я входила в парадную, поднималась на свой этаж, открывала двери квартиры, и завалившись в нее, сидела в кухне, перед глазами проносилась история того дня. Той самой присяги.

Возле алтаря стоял сам Победоносцев и священник в золотом облачении. Обер-прокурор кивком указал на девушек, они поднимались и подходили ко входу в алтарь. Дальше нас, естественно, не впускали.

— Вот и пришло, барышни, ваше время начать служение Империи. Вы, избранные, ныне стоите на пороге новой жизни. Вам дан дар видеть то, что сокрыто от обычных глаз. Но помните: великая сила — это и великое бремя. Бремя, которое отныне вы будете нести во имя высшей цели - защиты Державы от её невидимых врагов. Вы станете щитом, отражающим тьму. И помните, барышни, ваша плоть и дух отныне принадлежат Русской Земле и Православной церкви. Можете представиться друг другу.

— Полина Андреевна Туманова, - представилась немного дрожащим голосом красивая, худощавая, с русой косой, голубоглазка. Она какое-то время шурилась, а затем смешно пучила глаза, а потом хихикнула и добавила: — Я рань-

ше видела плохо. Сейчас зрение наладилось, а вот привычка щуриться осталась.

— Татьяна Фёдоровна Ведовская, — эта заявила о себе громко и четко. Она мне понравилась сразу, наверное, потому, что мы были чем-то похожи: и ростом и цветом волос, и этой ехидной улыбкой.

Я не сдержалась и выступила из темноты, чтобы высказаться:

— Ну что, поздравляю, барышни. Теперь мы официально государственное имущество. Надеюсь, статус «священного инвентаря» хотя бы подразумевает приличный обед после мероприятия?

Полина с Татьяной посмотрели на меня, потом друг на друга, но хоть улыбнулись, и то вперёд!

— Анна Львовна Лиходеева, — представилась я. — Вас тоже бесит шляпа? — спросила у Ведовской, окинув ее более внимательным взглядом.

— Невероятно, — ответила Ведовская, и тоже скользнула по мне взглядом. — Антенна для приёма галлюцинаций. В моём случае в виде давно почивших граждан.

— О, медиум? — уточнила я. — Моё почтение.

— Мне показалось или я слышала слово «обед»? — За моей спиной словно пронесся ураган, разметавший мою тщательно уложенную прическу. Я обернулась, и столкнулась бы глаза в глаза с еще одной нашей «подругой», если бы она не была ростом под два метра.

Рыжие волосы и веснушки, щедро украшавшие несколько детскую мордашу, тем не менее, забывались, когда я встрети-лась с ее очень уж серьезным гетерохромичным взглядом. Было ощущение, что природа испытывала на ней все самое неожиданное. — Я не успела позавтракать, поэтому j'ai faim comme une louve[i]... — девушка, легко раздвинула нас и встала в начавший образовываться кружок.

— Бесова Ирина Петровна, — поспешила представиться «малышка». Я в тот момент подумала, что очень жаль, что у нас нет позывных. Ей бы пошло.

— А мне грустно. Так страшно начинать новую жизнь... — этот нежный голосок нас даже напугал, но, когда к нам вышла милая девушка с каштановыми волосами и глазами цвета коньяка, я загляделась на нее. Казалось, вот даже Ту-манова со своей косою выглядит тут органично, а эта «ми-лота» не то, что нечисть травить, она тараканов, наверное, в коробочку собирает и в парк относит.

— Как писал великий Шопенгауэр: «Мир есть воля и представление.». Но, если честно, моё личное представление о реальности до сих пор конфликтует с чужой волей. Разве не иронично, что наша субъектность была нивелирована до уровня государственных активов? — продолжила философ-ствовать девушка с медовым голоском.

— Как вас величать, жертва германского идеализма? — Спросила я и хмыкнула.

— Чуева Екатерина Дмитриевна. Ну почему же сразу

жертва? Напротив, я нахожу в этом положении определённый метафизический уют, *ma chère*[ii]...

— Приступим к присяге, — раздался голос Победоносцева, и мы вернулись на свои места.

Священник открыл Евангелие в серебряном окладе.

— Подходите по одной. Кладите руку на Писание и повторяйте за мной...

Так мы стали подданными этого времени и этой страны.

Да, после официальной части нас ждал банкет, и девочки даже шептались, что будет «сам».

Но закончилось все банально: мы ели и пили после скудного стола монастыря, как гренадеры после похода, а потом упражнялись в возможности поделиться историями из нашей, той, прежней жизни...

Тогда-то мы и узнали, что наш речевой аппарат в полной солидарности с челюстью никак не может выдать хоть что-то членораздельное, если мы планируем обсудить будущее. То, которое для нас стало прошлым. Кто и как надолго заблокировал «функцию упоминания откуда мы» и возможность поговорить об этом, мы так и не узнали.

Пришлось подпитывать тоску по «родине» песнями. Они-то, как раз, удавались пяти пьяным и уставшим от многодневной новизны и хтони премного замечательно.

[i] j'ai faim comme une louve – я голодна как волчица

[ii] *ma chère* – моя дорогая

Глава 15

— Ну и долго ты будешь изображать соляной столп, Аннушка? — голос раздался так внезапно, что я даже не вздрогнула. Слишком устала для испуга.

Лука сидел напротив. Табурет был в кухне один, но он умело делал вид, что под ним тоже есть мебель, и сидел сейчас, закинув ногу на ногу. Его полупрозрачный силуэт в полумраке кухни казался чуть более плотным, чем обычно, но всё равно в нем чувствовалась какая-то изможденность. Он не кривлялся, не прыгал по шкафам. Сидел тихо, разглядывая свои длинные пальцы.

— Я тебя не звала, — буркнула я, хотя знала, что это ложь. Мысленно я тянулась к нему всю дорогу, хотела быстрее обсудить тот самый артефакт, хоть мысли и блуждали вокруг моего недавнего прошлого.

— Звала, дорогая, еще как звала. Твой ментальный фокус так искрил, что я едва не оглох, — он поднял на меня взгляд, и в его глазах, обычно полных насмешки, промелькнуло что-то похожее на осторожность. — Я сидел тихо, потому что не хотел тебя задевать. Вижу же, что ты сейчас как оголенный нерв — тронь, и либо убьешь, либо сама рассыплешься. Жаль, мысли твои читать не умею, устав не позволяет, да и силы не те, но по твоей физиономии понятно: состояние у тебя, мягко говоря, не сахарное.

Я перевела взгляд на печку. Холодная, черная пасть. Чтобы сварить кофе, нужно было вставать, тащить щепки, возиться со спичками... Мысль об этом отозвалась в челюсти тупой ноющей болью, словно у меня разом воспалились все зубы. Я издала какой-то неопределенный звук — не то стон, не то рычание.

— Ох, эти страдания по бытовому комфорту. А могли бы жить в хорошем доме со слугами, есть из хрусталя с позолотой... — Лука картинно вздохнул, но с места не сдвинулся. — А ведь раньше, Аннушка, в мои лучшие годы, когда я не был заперт в этой чертовой спальне на десятилетия, я бы щелкнул пальцами — и твоя печка запела бы, а твой этот... как ты его называешь? Отвратный черный напиток... Он бы уже дымился в чашке. Но увы. За годы вынужденного простоя я, знаешь ли, подрастерял былую прыть. Ослаб, усох, превратился в тень самого себя.

Он наклонился чуть ближе, и в его голосе зазвучали медовые нотки, за которыми всегда скрывался подвох.

— Это я к чему... Неплохо бы госпоже стражнице подумать о том, как помочь своему верному спутнику набраться сил. Ты ведь понимаешь, что сытый бес — это не только, как ты выражаешься: «ценный мех», но и куча решенных проблем?

— Сил ему набраться, — я наконец заставила себя встать и поплелась к ящику с дровами. — Еду я тебе точно не доверю. Зная твою натуру, после твоего «приготовления» меня

ждало бы как минимум жесточайшее расстройство желудка, а как максимум — я бы начала плевать серой. Так что сиди и не отвечивай.

Я начала растапливать печь. Щепки были сухими, и вскоре веселое пламя заплясало на поленьях, отбрасывая на стены длинные, дергающиеся тени. Лука наблюдал за моими манипуляциями с каким-то странным выражением лица — смесью голодного интереса и легкого презрения к моему ручному труду. Когда джезва наконец оказалась на огне, а я снова рухнула на табурет напротив беса, я припечатала ладонью по столу.

— Всё, хватит прелюдий, Лука. Не исчезай, сиди здесь. Пришло время тебе выполнять свою часть нашего уговора. Я тебе всё выложила: и про прошлое, и про свою работу, и про то, как сюда попала. Теперь твоя очередь.

Бес заерзал на табурете. Он вдруг стал очень внимательно изучать трещину на кухонном столе, начал поправлять воображаемые манжеты, потом и вовсе попытался изобразить глубокую задумчивость.

— Ну, Аннушка, ты ведь так устала... Столько времени в путях, в этом шкафу... Это тебе не ерунда какая-то, это, знаешь ли, серьезная психологическая травма для существа твоего порядка. Может, сначала кофе? А потом, когда силы вернуться... Глядишь, я бы даже переодеться смог во что-то более приличное, а то этот облик уже приелся...

— Лука! — я повысила голос. — Об артефакте. Живо. Ты

обещал.

Он втянул голову в плечи и как-то по-детски шмыгнул носом, хотя это выглядело в его исполнении крайне фальшиво.

— Какая ты всё-таки деспотичная женщина. Вся в прабабку свою, Аграфену. Та тоже, помнится, если чего втемяшит в голову — хоть святых выноси. Ладно, ладно, не сверли во мне дыру взглядом.

Я налила себе кофе, обжигаяще горячего и горького, и впилась в Луку глазами. Тот наконец перестал кривляться, хотя вид у него был такой, будто его заставляют признаться в краже ложечек из монастырской трапезной.

— Артефакт этот... Узда Асмодея, чтоб его черти в аду побрали — хотя они и так его там берут, — начал Лука, и его голос стал непривычно серьезным. — Твои пра и прапрабабушки с этой штуковиной управлялись так ловко, что мне до сих пор икается при воспоминании. Для них ловля нашего брата была сущим пустяком, утренней разминкой перед завтраком. Они выходили на охоту, как на прогулку.

Он замолчал, поглядывая на меня. Я видела, что ему неудобно. Даже больше — ему было как будто стыдно. Бес, которому стыдно? Это было что-то новое.

— И что в ней такого особенного? — спросила я, прихлебывая кофе. — Почему ты так мнешься, будто я тебя спрашиваю о размере твоего... ну, ты понял... хвоста!

— Остроумно, Лиходеева, очень остроумно, — Лука поморщился. — Скрывать мне особо нечего, просто... обидно

это. Понимаешь, это приспособление... оно... ну... узда с цепочками. Тонкими такими, из особого сплава, который в вашем мире и не встретишь. И секрет там в составе. Благодаря какому-то алхимическому вареву, которым эти цепи пропитаны, мы, бесы, не воспринимаем их как угрозу. Представь: ты видишь перед собой просто кусок железа. Никакой опасности, никакого магического фона. Мы не чувствуем ловушки, пока она не коснется кожи.

Он замолчал и как-то зябко передернул плечами. Я терпеливо ждала, хотя душило желание огреть его чем-то тяжелым прямо поперек довольной рожи. Чуюло мое сердце, что подвох есть в каждом его слове. Ведь должен же быть кроме этого артефакта какой-то талмуд – хоть какая-то-то, написанная этими самым моими прабабками инструкция по применению Луки. Внутренний голос говорил, что бес знает о записях, но ни за что не расскажет – будет по чуть выдавать тайны, но только если ему это будет выгодно. Вот, допустим, сейчас, проговорился про то, что силы может иметь побольше, даже такие, чтобы легко огонь разжечь и переодеться. А украсить себя – для него, считай, одно из самых важных деяний. Но этим я собиралась воспользоваться позже.

— И вот если этими самыми цепочками задеть беса — всё. Наступает ступор. Ты замираешь, как муха в янтаре. А если прижать покрепче да подержать какое-то время... — Лука заговорил тише, и в его голосе прорезалась искренняя жуть, — тогда мы уходим. Таем, как снег весной. Перемеща-

емя за Предел, в пустоту, откуда возврата нет. Это не просто смерть, это... растворение.

Пока он говорил, мое воображение, подстегнутое усталостью и кофеином, начало рисовать странные картины. Я видела своих прабабок в длинных платьях, но с какими-то невероятными, лихими манерами. Они представлялись мне эдакими ковбоями из вестернов, которые вместо лассо орудуют светящимися цепочками. Затянутые в тугие корсеты, с развевающимися волосами, они стояли посреди туманного Петербурга, а вокруг них, как дикие мустанги, скакали тени — рогатые, хвостатые, визжащие. И мои предки, точным движением руки, набрасывали эту «узду», приручая или уничтожая хаос.

Это было красиво, жутко и абсолютно нереально. Я хотела спросить что-то еще, но тепло от печки, горький кофе и мягкий, убаюкивающий голос Луки, продолжавшего что-то бубнить про «сплавы и составы», сделали свое дело. Голова стала невыносимо тяжелой. Я просто приложила лоб к прохладному дереву стола, решив закрыть глаза буквально на секунду...

Проснулась я от того, что в спину словно воткнули десяток раскаленных спиц. Шея затекла, рука, на которой я спала, превратилась в чужой, покалывающий иголками предмет. Я с трудом разогнулась, издавая стон, больше похожий на хруст старого шкафа. За окном уже брезжил серый, невнятный рассвет. Кухня выстыла. А прямо передо мной,

на том же месте, сидел Лука. Он выглядел... вызывающе бодрым. Его силуэт был четким, а на губах играла самодовольная улыбка.

— Ну что, госпожа Лиходеева, — пропел он, и от его голоса у меня зазвенело в ушах. — Доброе утро! Мы наконец можем ехать за уздой? А потом, как и договаривались, обсудим вопрос возвращения моей былой мощи?

Я недовольно айкнула, пытаюсь размять затекшие плечи, и фыркнула на него, как рассерженная кошка.

— Какого черта ты дал мне заснуть вот так?! — возмутилась я, оглядывая кухню. — У меня там в комнате перина стоит, на которую я последние деньги ухнула! Она вторую ночь пустует, пока я тут лицом стол полирую! Мог бы и разбудить, ирод.

— Разбудить? Тебя? — Лука рассмеялся, и в этом смехе было слишком много торжества. — Ты так сладко сопела, Аннушка, что я побоялся нарушить твой покой. К тому же, у меня был важный процесс... медитации. Пора завтракать, дева! Жор у меня с утра дикий, просто зверский.

Он потянулся, демонстрируя подозрительную бодрость для беса, который якобы «ослаб». Я посмотрела на него, потом в сторону своей спальни. Лука был слишком уж довольным, из чего я сделала выводы, что перина все же не пустовала.

— Жор у него, — проворчала я, вставая и пытаюсь вернуть ногам чувствительность. — Надеюсь, ты хотя бы не храпел

на моей перине, пока я тут спину гробила.

Бес лишь хитро подмигнул мне, и я поняла — этот день обещает быть еще длиннее, и ничуть не легче предыдущего.

Глава 16

Мы вышли из ресторана, и я почувствовала, как вечерний петербургский воздух, пропитанный сыростью и запахом табака, мгновенно выдувает остатки тепла. Вид у меня был, мягко говоря, специфический. Для похода в приличное заведение я выбрала наряд, который в приличном обществе назвали бы «катастрофой». Плохенькое платье из дешевой саржи, купленное на Сенном рынке специально для маскировки, сидело на мне так, будто его шили на испуганное привидение.

Но возвращаться домой переодеваться времени не было — копать землю в саду старой усадьбы в шелках было бы верхом идиотизма, а эта тряпка всё равно была предназначена на заклятие грязи и дерну. Рядом, едва не светясь от удовольствия, семенил Лука. Его полупрозрачная физиономия выражала такое блаженство, какое бывает только у бесов, соприкоснувшихся с грехом чревоугодия.

— Нет, Аннушка, ты как хочешь, а расстегаи с куропаткой — это единственное оправдание существования этого города, — он довольно кряхтел, поглаживая себя там, где у нормальных людей находится желудок. — А борщ? Ты видела этот навар? Это же не еда, это поэма, написанная жиром и свеклой. Понимаешь, в чем твоя беда? Ты относишься к пище как к топливу, а ведь хорошая, со вкусом поданная тра-

пеза — это фундамент для здорового духа. Даже если этот дух, как я, временно лишен плоти.

— Фундамент моего банкротства — вот что это такое, — огрызнулась я, кутаясь в поношенную шаль. — Ты сожрал мой недельный запас на дрова и свечи за один присест. Надеюсь, куропатка не встанет у тебя поперек твоей нематериальной глотки.

Я молчала, обдумывая планы на вечер. Выбора не было. Нам придется вернуться в тот самый игорный дом, где я уже имела сомнительное удовольствие играть в карты. Лука, при всей его невыносимости, был прав в одном: жить хочется на широкую ногу, а не на ту хромую конечность, которую мне предлагала моя нынешняя финансовая ситуация. Держать себя в черном теле только ради того, чтобы когда-нибудь купить приличный комод — идея так себе. Если уж я ввязалась в эту историю со стражницами, то хотя бы должна выглядеть как женщина, у которой есть деньги на прислугу, а не как та, что сама выносит помои.

Возница, завидев мой решительный взмах рукой, притормозил у тротуара. Экипаж был под стать моему платью — разболтанный, пахнувший старым овсом и мокрой кожей, но выбирать не приходилось. Только такие согласятся уехать за город, подождать сколько нужно и привезти обратно.

Последние копейки исчезли в кармане возницы с тихим, почти издевательским звоном, напоминающим звук маленькой гильотины для моего бюджета.

— На окраину, — бросила я, называя адрес усадьбы, из которой когда-то вытащила этого рогатого прощельгу.

Мы ехали в тишине, если не считать бесконечного дребезжания колес и трескотни Луки. Он знал, мерзавец, что при вознице я не стану на него шипеть и требовать заткнуться, поэтому пользовался моментом на полную катушку.

— Игорный дом — это твой шанс, Аннушка, — вещал он, устроившись на сиденье напротив так вальяжно, будто это был его личный выезд. — Там кошельки у господ такие толстые, что у них одышка начинается, когда они их достают. Но! В этом твоём... наряде... тебя пустят разве что на кухню, кости обглаживать. Тебе нужны платья. И не просто платья, а такие, чтобы декольте заканчивалось где-то в районе здравого смысла, а кружева было столько, чтобы у мужчин рябило в глазах. Ты должна выглядеть как доступная вдовушка, понимаешь? Скорбящая, но готовая к утешению. Это состояние полностью лишает мужчин остатков ума. Они смотрят на вырез, а не в карты. И вот тогда мы их тепленькими и возьмем. Суммы нам нужны крупные, душа моя. Очень крупные. Я, знаешь ли, привык к определенному уровню сервиса.

— Если ты не замолчишь, я прикуплю не платья, а экзорциста на полставки, — прошептала я одними губами, глядя в окно.

Возницу я попросила остановиться не у самих ворот усадьбы, а чуть поодаль, за поворотом, где густые заросли ивняка скрывали дорогу. Вылезая из кареты, я почувствова-

ла, как в ботинки тут же просочилась холодная влага.

— Ну и где мы возьмем инструмент, о великий ценитель куропаток? — спросила я, когда экипаж скрылся в тумане. — Я не собираюсь рыть землю ногтями.

Лука спрыгнул на землю, не оставив на грязи ни следа, и махнул рукой в сторону забора.

— Спокойствие, только спокойствие. Там копать-то — всего ничего. А кирка там и осталась. Сантиметров десять под березовой палочкой взрыхлишь — и найдешь. Моя... то есть твоя прабабка Аграфена ее там оставила. Мудрая была женщина, не чета тебе. Велела мне, когда придет время, рассказать всё наследнице дара. Вот я и рассказываю. Чти семейные традиции, Аннушка.

— Прабабка, значит, — я прищурилась. — А ничего больше она не велела передать? Ну, кроме того, что я должна заниматься земляными работами в чужом саду?

Бес внезапно замолчал. Его прозрачные ушки дернулись, а взгляд стал подозрительно изучающим. Он начал разглядывать облака, которых не было видно из-за тумана.

— Лука, — я сделала шаг к нему. — Ты ведь обязан выполнять мои приказы. Наш уговор еще в силе.

— Ну, формально... — он замялся, потирая нос.

— Рассказывай. Всё, что велела передать бабка Аграфена. Это приказ.

Лука театрально откашлялся, поправил несуществующий галстук и указал мне на узкую тропку вдоль забора, которая

вела к покосившейся жерди.

— Она сказала: «Передай этой девке, что если она будет такой же упрямой, как ее мать, то пускай хотя бы научится слушать беса, потому что у него мозгов больше». Но это так, лирика. Пошли уже, копательница.

Он указал на место, где нужно было отодвинуть жердь, чтобы пролезть внутрь. Мы оказались за длинным приземистым строением, которое когда-то явно было конюшней. Сейчас оно выглядело как скелет огромного животного, забытого посреди пустоши.

— Не бойся, — шепнул Лука, хотя я и не думала бояться. — Экипаж хозяйки отбыл в город на неделю, конюха нет, он в деревне празднует что-то очень спиртосодержащее. Мы тут одни.

— Про наставления бабки ты так и не договорил, — напомнила я, пробираясь через сухую крапиву.

— Да ничего особенного! — он явно обрадовался, когда мы подошли к старой, узловатой березе, стоявшей поодаль от построек. — Вот здесь. Видишь палочку?

Я опустилась на колени, чувствуя, как грязь мгновенно пропитывает ткань юбки. И правда, под слоем прелой листвы лежала сухая веточка. Я начала копать. Сначала руками, потом нашла какой-то плоский камень. Минуты через три тщательных раскопок, когда под ногтями уже прочно обосновался чернозем, я наткнулась на что-то металлическое. Это была кирка. Громоздкая, с изъеденной ржавчиной по-

верхностью, лишенная черенка.

— Это кирка, Лука. Не лопата. Ты предлагаешь мне долбить землю этим обрубком?

— С киркой, хоть и без черенка, будет куда удобнее, поверь моему опыту, — бес крутился рядом, указывая на место прямо за корнями березы. — Вот тут бей. Только точно. Я не хочу торчать здесь до рассвета, у меня от этого климата мигрень начинается.

— Ты уверен, что это здесь? — я с подозрением посмотрела на него. — Если я вырою яму в человеческий рост и ничего не найду, я закопаю туда тебя. И плевать, что ты бес.

— Клянусь всеми адскими сковородками! — он прижал ладонь к груди. — Ровно здесь. Аграфена сама укладывала.

Следующие три часа превратились в кошмар. Я долбила землю этим ржавым куском железа, выбирала комья руками, откидывала их в сторону, снова долбила. Пот заливал глаза, шаль давно валялась в стороне, а мое «маскировочное» платье теперь можно было использовать только в качестве ветоши для чистки пушек. Лука сидел на ветке березы и давал «ценные» указания.

— Правее, Аннушка. Бери глубже. Ты как будто не землю роешь, а котенка гладишь. Сильнее замах! Где твоя страсть? Где огонь стражницы?

— Заткнись... — выдохнула я, в очередной раз опуская кирку. — Еще одно слово, и я... Звук удара изменился. Вместо глухого стука о землю раздался отчетливый, сухой треск

дерева.

— О! — Лука кубарем скатился с ветки. — Кажется, приехали!

Я начала неистово разгребать землю руками. Спустя еще десять минут мы вытащили на поверхность деревянный, почти полностью сгнивший ящик. Он рассыпался прямо под моими пальцами, обнажая внутреннее содержимое. Внутри оказался железный, кованый сундучок, обмотанный почерневшей от времени кожей. Он был тяжелым и холодным, словно кусок льда, вытасненный из проруби.

— Ну надо же, — я вытерла лоб грязным рукавом. — Прямо сказка про Кощея. Утка в зайце, яйцо в утке... Внутри сундука, небось, игла с его смертью? Лука как-то странно хмыкнул и отвел взгляд.

— У этой сказки, знаешь ли, есть весьма правдивая часть. Народная мудрость просто так не рождается.

— Да ладно? И что, мне теперь искать дуб и сундук на цепях? — я попыталась поддеть крышку железного ящика, но она сидела намертво.

— Отложи эти истории на будущее, — голос беса внезапно стал серьезным, без привычного сарказма. — И не открывай его здесь. Слышишь? Даже не думай.

Я замерла, глядя на него. Бес мялся, переминался с ноги на ногу и выглядел так, будто ему было... стыдно? Или просто крайне неудобно. Это было настолько несвойственно его натуре, что я сразу почуяла подвох.

— Лука, ты что-то скрываешь. Опять. Что в этом сундуке? Почему ты так нервничаешь?

— Я не нервничаю, я мерзну! — огрызнулся он, хотя все мы знали, что холода он не чувствует. — Просто... вези его домой. Там откроем. Тут слишком много лишних ушей, глаз и... вибраций. Это вещь капризная.

Я посмотрела на сундук, потом на Луку. Он явно не договаривал самое важное. И, забегаая вперед, скажу, что моё чутье меня не подвело тогда...

Глава 17

— Ты сказал, это «узда». Ты описывал ее как приспособление с цепочками. Сказал, что благодаря спе

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.